

АЛЕКСЕЙ
КОЛМОГОРОВ

О

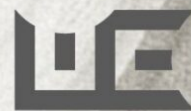
Т

М

А

СПАСЕНИЕ
РОМАНОВЫХ

НЕИСТОРИЧЕСКИЙ
РОМАН

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Неисторический роман

Алексей Колмогоров

ОТМА. Спасение Романовых

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колмогоров А.

ОТМА. Спасение Романовых / А. Колмогоров — «Издательство АСТ», 2021 — (Неисторический роман)

ISBN 978-5-17-150838-8

«ОТМА. Спасение Романовых» – первый роман Алексея Колмогорова, сценариста и режиссера: полнокровный, динамичный, живой – настоящее эпическое приключение. «Начинаю эти записи сегодня, в день, когда наш беспримерный поход завершился столь невероятным образом. Я, Леонид Анненков, мичман Императорского Военно-морского флота, 1898 года рождения, удостоверяю, что все, описанное здесь, есть правда и только правда. В ночь с 16 на 17 июля 1918 года я участвовал в операции по спасению Государя Императора и августейшей семьи из большевистского плена в доме Ипатьева в Екатеринбурге. Операция эта увенчалась полным успехом. Мои царевны... моя ОТМА – жива».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-150838-8

© Колмогоров А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть первая	6
1 мая 1937 года	6
Из записок мичмана Анненкова	9
16–17 июля 1918 года	11
Из записок мичмана Анненкова	13
1 мая 1937 года	17
17 июля 1918 года	19
Из записок мичмана Анненкова	22
5 мая 1937 года	24
Из записок мичмана Анненкова	27
17 июля 1918 года	29
7 мая 1937 года	31
13 мая 1937 года	35
Из записок мичмана Анненкова	38
14 мая 1937 года	47
Из записок мичмана Анненкова	49
Из записок мичмана Анненкова	51
17 мая 1937 года	56
Часть вторая	59
Из записок мичмана Анненкова	59
21 июля 1918 года	62
Из записок мичмана Анненкова	63
22 июля 1918 года	64
Из записок мичмана Анненкова	67
Из записок мичмана Анненкова	72
Из записок мичмана Анненкова	77
Июль 1918 года	82
Из записок мичмана Анненкова	83
Июль 1918 года	84
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Алексей Колмогоров

ОТМА. Спасение Романовых

© Колмогоров А.

© ООО «Издательство АСТ»

Убежать от судьбы колеса ...

Е. Бачурин. Деревя

Меж юных жен, увенчанных цветами,

Шел разговор веселый обо мне ...

М. Лермонтов. Сон

Часть первая

Нина

1 мая 1937 года
Москва. Лубянка

Опять она приходила. Нина. «Надо бы ее спасти, – подумал Кривошеин. – В водовороте знамен и песен ей не выплыть». Он видел фигурку Нины с высоты, светлую и тонкую, как щепочку в волнах. Мимо нее катил поток, вспениваясь красными флагами и пионерскими галстуками.

– «Принято решение вас расстрелять!» – сказал подследственный Медведкин за спиной следователя Кривошеина. – Так прямо Яков Михалыч и бросил в лицо царю ...

– Что-то ты врешь опять. Юровский как-то по-другому сформулировал, – сказал Кривошеин, глядя, как Нина переживает поток на тротуаре, непричастная.

Буржуй нацелился ножом и вилкой разделить шар земной и сожрать, но медлил с недоумением на большом лице и сонно покачивался над головами несущих его работниц фабрики «Трехгорная мануфактура». Демонстрация на Красной площади закончилась час назад, но знамена все еще плыли через Лубянку алыми парусами. В Управлении знали, что после первомайской демонстрации или парада Седьмого ноября капитан Кривошеин обязательно являлся на службу и проводил допросы.

– Э-э-э ... я вот точную формулировку не помню, гражданин следователь ... – сказал Медведкин.

– Ладно. Дальше ...

– Ну вот ... Тут начались женские крики. А царь забормотал: «Господи боже мой! Господи боже мой! Что ж это такое?!»

Нина дождалась и шагнула в разрыв между колоннами. Ее светло-серый плащ замаячил на другой стороне площади.

– ... «А вот что такое!» – сказал товарищ Юровский и вынул из кобуры маузер.

Тут доктор Боткин еще успел спросить: «Так нас никуда не повезут?» А я уже спускал курок браунинга и всадил первую пулю в царя ...

Кривошеин все смотрел, смотрел и не видел больше светлого плаща. А если она уйдет и больше ее не будет? Ведь может так случиться? Что угодно может случиться.

Нет. Нельзя. Невозможно.

Кривошеин отвернулся от окна и сказал Медведкину:

– А товарищ Юровский утверждает, что это он первый выстрелил в Николая.

– При всем уважении к Якову Михайловичу, настоящему большевику и моему боевому товарищу ...

– Ну-ну ... – осадил подследственного Кривошеин.

– То есть в прошлом мы же вместе ... При всем уважении, первым выстрелил я. Я первым сразил тирана и врага трудового народа! А Яков Михалыч просто неточно помнит. Там же такое началось! Стрельба из всех стволов – слева и справа. На моем пятом выстреле Николай упал на спину! – Подследственный Медведкин оживился. – Женские визги, стоны! Вижу, упал доктор Боткин у стены и лакей с поваром! Женщина кинулась к двери и тут же упала ... Ничего не видно из-за дыма. Юровский кричит: «Стой! Прекратить огонь!» Тут смотрим – дочери, царевны, еще живы. Стали достреливать, но ничего не выходило. Тогда Ермаков пустил в ход

штык ... И это не помогло, пришлось пристрелить в голову. А почему пули и штык не брали дочерей и Александру Федоровну, это мы уж потом, только в лесу выяснили ...

Медведкин перевел дух – сдулся.

Трубы с литаврами рвались из репродукторов и сталкивались над площадью с собственным эхом. Кривошеин закрыл окно, все равно свежести не прибавлялось: сквозняк только всполошил запахи, слежавшиеся в углах кабинета, – пота, старой бумаги и почему-то подсолнечного масла.

– Ну ... – Кривошеин прошелся за спиной поникшего на своем стуле подследственного.

– Тишина ... Мы все оглохли. Тут в правом углу комнаты зашевелилась подушка! Женский голос, радостный такой: «Меня Бог спас! Меня Бог спас!» Подымается горничная – она прикрылась подушками. Пули отскочили от бриллиантов, которые там были зашиты ... Кто-то подошел, доколол ее штыком ...

– Трехгранным?

– Что?

– Штык трехгранный был?

– Не помню ... Ну, тут еще застонал Алексей. К нему подошел товарищ Юровский и три раза выстрелил из своего маузера. Мы с Ермаковым щупаем пульс у Николая – он весь изрешечен ...

Кривошеин подошел и залепил Медведкину пощечину. Нет, не за Николая и не потому, что подследственный его чем-то прогневал, – просто чтобы взбодрить. Кривошеин заметил, что даже совсем свежий арестант, только что от домашних пирожков, получив вдруг по морде, не спрашивал – за что. И никаких там «как вы смее, не имеете права ...». Он лишь замолкал на секунду, а потом продолжал бубнить свое, будто ничего не случилось. Будто это был просто некий сбой в течении бытия – как царапина на граммофонной пластинке.

– Ну так что все-таки сказал Юровский Николаю?

Кривошеин – скучающий учитель – вытягивал ответы из нерадивого ученика. И Медведкин исполнял-таки роль двоечника: мямлил, ерзал, сопел и тоскливо таращился себе под ноги.

– Вот вспомнил! Яков Михалыч Юровский и говорит царю примерно так: «Николай Александрович! Попытки ваших сторонников освободить вас не удались. И вот в тяжелую годину для Советской республики на нас возложена миссия покончить с домом Романовых!»

– Опять врешь, скотина, – сказал Кривошеин. – По показаниям других участников, Юровский сказал просто: «Уралсоветом принято решение вас расстрелять».

– Вот как, значит? Ну, может, мне оттого так запомнилось, что момент был такой торжественный, светлый ...

– Светлый? Вот когда тебя, сука, поставят перед ямой, я посмотрю, какой это для тебя будет момент.

Медведкин удивился:

– Так они же, Романовы, – кровопийцы! Триста пять лет грабили рабочего человека, крестьянина! Гражданин следовательно, я же их ... по решению партии! Я большевик с четырнадцатого года! За что же меня?! За что?!

Медведкин заплакал. Это с ним периодически случалось, с большевиком, прошедшим царскую каторгу, Гражданскую войну, коллективизацию и индустриализацию. Он понимал необходимость борьбы с врагами и принимал свою временную роль врага со смирением, веруя, что органы разберутся и вернут его в ряды борцов. Но иногда детский протест против несправедливости прорывался:

– Я жизнь отдам, гражданин следовательно! Жизнь отдам за советскую власть! За товарища Сталина!

Разумеется, Медведкин попал на Лубянку не за то, что убил царя. Это деяние советской властью не осуждалось. Он обвинялся в троцкизме и контрреволюционной агитации, и шан-

сов выкрутиться у него не было. И к чему тут был такой пристальный интерес следователя к расстрелу Романовых, подследственный не понимал. Но он вообще уже мало что понимал на третьей неделе допросов.

Кривошеин рисовал на листе бумаги корону за короной. Куранты били в недалеком Кремле. Первой все длился, и длилась казнь.

– ...Никто больше не шевелился. Княжны, царь, царица, наследник и остальные лежали в крови. Надо было выносить. Стали складывать тела на одеяла и таскать во двор к грузовику. Царя вынесли ...

– Кто выносил?

– Не помню.

– Что меня удивляет: вы мните себя десницей всемирно-исторического отмщения. Этот расстрел считаете величайшим событием в истории ...

– А разве нет?

– Молчать! И при этом никто из вас ничего не помнит! Ни черта! Даже кто первый выстрелил в царя!

Медведкин удрученно шмыгал носом и смотрел в пол. Он совсем потерялся и не понимал, как еще угодить следователю.

Нина сидит сейчас в чайной на Кузнецком Мосту – Кривошеин хорошо изучил ее привычки. Это недалеко, он еще может успеть. Впрочем, если она и уйдет, найти ее не сложно. И все же Кривошеину хотелось увидеть Нину именно сегодня и заговорить с ней наконец.

Кривошеин скомкал лист бумаги с корявыми коронами и бросил в корзину.

– Дальше ...

– Ну, мы выносили тела ... Кто-то сказал: «Конец династии Романовых ...» И тут раздался жалобный вой в коридоре. Вошел матрос и принес на штыке собачку Анастасии, которая еще дрыгалась. Бросил ее рядом с хозяйкой и говорит: «Собакам собачья смерть». Вот это я запомнил ...

Все это Кривошеин слышал много раз, задавал вопросы автоматически, заранее зная ответы. И все это была ложь, нелепые выдумки, дымовая завеса, за которой все они, участники казни, скрывали то, что произошло на самом деле.

Кривошеин думал о Нине. Почему опять Нина? Неужели случайность? Или судьба? Или это знак ему? Знак чего? Бросить все? Остановиться? Или, напротив, – идти дальше, до конца, потому что подошел уже близко ...

Он встал:

– Хватит! Конвой!

Кривошеин вышел из здания НКВД на Лубянке, пересек трамвайные пути и зашагал вниз по Кузнецкому Мосту. Лотошницы продавали лимонад и мороженое. От мостовых поднимался жар, долгожданный и еще не раздражающий. Мимо пробежали две девушки в соломенных шляпках и белых носочках.

Форма на Кривошеине сидит как влитая; высокий, крепкий, но не из тех красавцев-командиров, о ком мечтают комсомолки майским звонким днем. Лет сорок. Лицо стертное, как застиранная гимнастерка, взгляд обычно мимо, в сторону или под ноги, будто ему уже не на что и незачем смотреть.

Кривошеин остановился перед дверью чайной, подождал чего-то – знака, знамения. Если она там, Нина, то все изменится необратимо. А если ее нет? Улица не давала никаких подсказок: шагали прохожие, тренькали трамваи, милиционер в белом красиво вертел палочкой и свистел пронзительно. Кривошеин понаблюдал за регулировщиком: может, в мелькании жезла и последовательности свистков и зашифровано послание? Но нет, не было знака. Он бы понял.

Подождал еще немного и толкнул дверь ...

Из записок мичмана Анненкова

30 сентября 1919 года

Начинаю эти записи сегодня, в день, когда окончился наш беспримерный поход и Святое Дело Спасения Государя завершилось столь невероятным и чудесным образом.

Я, Леонид Петрович Анненков, мичман Императорского Военно-морского флота, 1898 года рождения, удостоверяю, что все, описанное здесь, есть правда, только правда и ничего, кроме правды.

В ночь с 16 на 17 июля 1918 года я участвовал в операции по спасению Государя Императора и Августейшей Семьи из большевистского плена в доме Ипатьева в Екатеринбурге. Операция увенчалась полным успехом. Все описанные ниже действия я совершил вместе с тремя товарищами: капитаном Бреннером, ротмистром Каракоевым и поручиком Лиховским.

Начали мы с ограбления. Задуманная нами операция требовала немалых средств. Нужно было купить оружие и фальшивые документы и иметь солидную сумму на возможный подкуп охраны и большевистских начальников. Кого же ограбить? В восемнадцатом году в России все грабили всех: спекулянты грабили народ и буржуев; анархисты – буржуев и спекулянтов; большевики расстреливали анархистов, спекулянтов и буржуев с конфискацией. Взвесив все за и против, мы решили ограбить анархистов. Грабь награбленное – известный ленинский лозунг.

Для этой акции специально приехали из Петрограда в Москву, где банды анархистов особенно расплодились. По слухам, они захватили в городе три десятка особняков и жили своей вольницей, независимой от большевистской власти, то есть – грабежом. Одно такое гнездо на улице Мясницкой мы и взяли на заметку.

Весь первый этаж доходного дома занимал штаб небольшого отряда. Там анархисты и квартировали, и пировали. Туда свозили экспроприированное у буржуев добро.

За неделю слежки мы изучили их повадки. Добыли план помещения. Узнали, где, собственно, хранятся ценности. Когда основной отряд анархистов отправился в налет, а в штабе остался минимум охраны, мы совершили свою «экспроприацию».

Наша четверка! Сейчас, по прошествии времени, я вижу, насколько ярким воплощением определенного армейского типа был каждый из нас.

Вот капитан Бреннер – мозг и воля группы. В те первые дни – абсолютный для меня авторитет, образец офицера. Тогда он казался мне чуть ли не богом войны (настоящего Бога Войны я повстречаю позже. О нем еще много будет сказано на этих страницах). Бреннер – бывший начальник полковой разведки, обрусевший балтийский немец, но при этом брюнет с орлиным носом, больше похожий на древнего римлянина, или грека, или даже перса благородных кровей. По старшинству возраста (тридцать лет) и звания, а также по единодушному нашему выбору он стал нашим командиром.

Поручик Лиховский, авиатор, высокий, плечистый, как только он помещался в своем аэроплане, когда летал бомбить германцев? Впрочем, «легкий» – слово, все в нем определявшее. Легкий – потому что летун, или летун – потому что легкий. Улыбчивый, уравновешенный, надежный.

А ротмистр Каракоев! Классический драгун с усами, настоящий кавказский витязь с русским именем Владимир. Внебрачный сын осетинского князя и русской гувернантки. Храбрец и верный товарищ.

Что же мне сказать о себе? Думаю, вы хорошо меня узнаете, если дочитаете эти записки до конца. Хотя для общего представления: мне на тот момент только что стукнуло двадцать,

роста я высокого, почти как Лиховский, но положил бы его, зазнайку, на лопатки играючи, если бы пришлось нам в голову бороться. Силой не обижен, крепок и жилист. Ну и стреляю хорошо: с полсотни шагов из карабина Мосина попадаю в гривенник семь раз из десяти, если, конечно, карабин пристрелян. Неплохой я боец – без дураков. Вот все и выболтал. Еще и скромность, как видите, одно из моих несомненных достоинств.

А к кому, собственно, я обращаюсь? Вряд ли прибегут к кому-то мои торопливые строчки, это я хорошо понимаю. И тогда вопрос: зачем пишу? Не знаю. Так уж мне суждено.

Так вот, с этими анархистами все прошло как по писаному. Меня нарядили в матроса, и с пятью гранатами под бушлатом я по улице Мясницкой подошел к дверям их штаба. Это было просто, потому что по тротуару свободно сновали прохожие. В то же время Бреннер, Каракоев и Лиховский как бы случайно подъехали в пролетке. У двери болтался часовой в расхристанном бушлате, которого я с ходу застрелил из маузера.

Внутри в разных комнатах пили и спали двенадцать матросов. В каждую комнату по гранате – и достреливать, кто еще шевелится. К дверце сейфа приладили пару гранат. Купюры разлетелись по всей зале, но бумагу мы не собирали. Забрали из сейфа только докторский саквояж, набитый золотом и камушками. Все дело заняло минуты три. Никто из нас не был ранен – только оглохли на время.

Удивительный сброд эти революционеры. И как только им удалось свалить Империю? И где, черт возьми, были мы – с нашей доблестью, фронтовым опытом и любовью к Отечеству? Так я думал, пока мы в пролетке ехали на вокзал ...

Что ж, первые строки в тетради. Дальше даль за далью, боль за болью – покатится наш путь. А что потом? Когда поставлена будет последняя точка? Не знаю. Кажется, моя жизнь кончена. В двадцать один год.

Во дворце пусто, бесприютно. Прежде чем усадить себя наконец за стол к чистой тетради, обходил комнаты Царевен. Ничего здесь от них не осталось: ни забытой перчатки, ни оброненной заколки, ни аромата духов. Но ведь были же они здесь! Были ...

За окнами над садом хризантем уплывают последние запахи лета. Ударил гонг, загомонили стражники – это Властитель проследовал в свою резиденцию. Благодаря его милости я один живу в целом дворце. Один.

Ну, довольно. Начинаю по порядку, вернее, как получится. Начал ведь не с самого начала. К нему еще вернусь.

Ну, начинаю уже, начинаю!

Пусть не удивляет неизвестного и неожиданного читателя этих записок точность и подробность, с какой я описываю события по прошествии времени. В Бога я уже не очень верю, но кому-то там, над мирами, нужно, чтобы я сохранил в памяти и описал эти события ...

16–17 июля 1918 года Екатеринбург. Ипатьевский дом

Днем комендант Юровский приехал из Уралсовета – собранный, озабоченный.

– Сегодня, – сказал он и внушительно посмотрел на начальника охраны Медведкина, вышедшего ему навстречу во двор Дома особого назначения.

Медведкин вдохнул глубоко и улыбнулся, словно дождался того самого единственного шанса.

– Всех? – спросил он.

– Всех, – кивнул Юровский. – Кроме мальчика.

Медведкин удивился:

– Наследника оставим? Как же так?

– Да не наследника, – поморщился Юровский, – поваренка Седнева.

– А-а-а ... – выдохнул Медведкин.

– Надо его отправить в деревню, сегодня же. Вечером никого лишних тут не должно быть.

Только наша группа.

– Понял. А слуги, доктор?

– Всех. Они хотели разделить судьбу монарха – пусть разделят.

– Ну что ж, справедливо.

Речь шла о последней четверке из свиты царя: докторе Боткине, лакее Труппе, поваре Харитонове и горничной Демидовой. Вместе с Романовыми в Екатеринбург прибыли тридцать человек свиты, но одних сразу забрали в ЧК, других отпустили на все четыре стороны, и только четверо выразили твердое желание остаться с монаршей семьей – и им разрешили.

– Должен прибыть грузовик и подводы с кислотой, – сказал Юровский.

Медведкин не понял:

– С кислотой?

– А ты как думал? Их никто не должен узнать даже в могиле ...

– А ты чего такой смурной, Яков Михалыч? Наконец-то все решилось!

– Времени мало. Всегда так: тянут, тянут с решением, а потом прыгай как хочешь, исполняй. Ничего не готово.

Юровский прикрыл глаза и потер лоб над переносицей. Груз ответственности давил и изматывал. С четвертого июля, дня вступления в должность коменданта Дома особого назначения, Юровский приходил домой только ночевать. Семья почти не видела его. Белые и чехословаки с трех сторон окружили Екатеринбург и в любой момент могли прорвать фронт, чтобы освободить царя. И если бы им это удалось, партия, да и весь мировой пролетариат, никогда не простили бы Юровскому бегства Николашки Кровавого.

Сорокалетний Юровский – член партии большевиков с девятьсот пятого года. Среднего роста, с копной черных волос; чеховская бородка и усы делали его похожим на школьного учителя или земского врача, однако университетов он не кончал, но и пролетарием не был. Как многие революционеры, он был никем, а стал всем – ведь именно ему предстояло покончить с династией Романовых.

Остаток дня прошел в хлопотах. Во двор въезжали и выезжали подводы. Привезли кислоту и керосин. Медведкин предупредил внешнюю охрану: ночью в доме будет стрельба – не обращать внимания, нести службу, как обычно, и ни под каким видом не входить в Дом до особого распоряжения. Что за стрельба, Медведкин не объяснил – все и так понимали.

Ближе к полуночи ждали грузовик, на котором планировалось вывезти трупы, но его все не было. Медведкин поехал за ним в гараж.

За стенами Ипатьевского дома раскинулась июльская ночь с полным небом звезд и невнятными голосами рыбаков на реке. После полуночи часовые внешней охраны заметили движение в доме. Через щели в заколоченных окнах замелькали свет и тени.

Царь, царица, дети и свита – все одиннадцать человек – спустились со второго этажа в угловую комнату первого с подушками, пледами, саквояжами, сумками и тремя собаками. Им сказали, что ввиду наступления белых их перевезут в другое место и нужно дожидаться автомобилей.

– Здесь даже стульев нет! – возмутилась Александра Федоровна.

Принесли два стула. На один сел царь с наследником на руках, на второй – царица. Остальные переминались у стен, сонные, растревоженные.

За стеной нервничал Юровский, мерил залу шагами. Тут же маялись шестеро товарищей, отобранных для этого дела. Грузовика все не было. Комендант не хотел начинать, пока не прибудет транспорт: оставить тела лежать в комнате даже на короткое время было бы неправильно. Непорядок. Надлежало исполнить все чисто. Грузовик должен стоять на заднем дворе у черного хода, чтобы сразу погрузить и вывезти тела.

– А если грузовик не приедет, отменяем? – спросил кто-то.

– Нет! Конечно нет! Подождем еще. Время есть.

Несколько человек разбрелись по первому этажу, скрывая друг от друга волнение. На веранде второго этажа томился боец у пулемета. Пулемет стоял и на колокольне храма на другой стороне улицы.

В конце Вознесенского проспекта слышался рокот мотора. Пулеметчик с колокольни следил за грузовиком, подъезжающим к воротам Дома особого назначения. В доме тоже слышали грузовик – приговоренные в комнате и палачи в зале.

– Ну вот, слава богу! – сказал Юровский и осекся. – То есть приступаем, товарищи!

Из записок мичмана Анненкова

17 июля 1917 года

Грузовик въехал во двор. Я, Каракоев и мадьяр прыгнули на землю из кузова. Только бы Государь и Семья были живы! Только бы мы не опоздали!

Поручик Лиховский был за рулем. Он и Бреннер выволокли из кабины комиссара Медведкина. Бреннер упирал ему в бок револьвер.

– Сейчас мы войдем, ты первый. Когда спросят, кто мы, скажешь, что нас прислали на усиление из Уралсовета. Как пойдет стрельба, падай на пол и не двигайся. Шевельнешься – пристрелю. Понял?

– Понял ...

– Не глушить мотор, – приказал Бреннер. – Юровского брать живым!

Бреннер уже входил в двери, револьвером подталкивая перед собой Медведкина. Следом – ротмистр Каракоев, потом я, поручик Лиховский и мадьяр – перебежчик от красных, предупредивший нас о времени расстрела. У всех, разумеется, красные ленты на фуражках.

Вошли нестройной группой в прихожую, быстро прошли две комнаты и в зале увидели всех во главе с Юровским. Человек шесть стояли вокруг стола с разложенными на нем револьверами. Еще один в папаше и солдатской шинели стоял у стены, упирая винтовку прикладом в пол. Судя по красному банту на груди, это тоже был «наш» мадьяр. Бант – отличительный знак нашего второго тайного союзника в доме.

Войдя, мы рассредоточились и образовали неровную шеренгу. Револьверы еще лежали на столе – Юровский не успел раздать оружие. Я узнал его сразу. Он как-то неумовимо выделялся среди остальных, хотя никаких особых знаков различия не имел.

Юровский посмотрел на нас с недоумением и спросил Медведкина:

– Это кто?

– Прислали из Уралсовета нам на усиление.

– Какое еще усиление? Я же им сказал – управимся сами!

– Я тоже им говорил, а они ... – сказал Медведкин.

Я стоял позади Медведкина и не видел его лица, но, судя по голосу, он попытался улыбнуться – и напрасно, потому что Юровский все понял и потянулся к столу за револьвером. Мы дали залп. Я выстрелил в приземистого мужичка в черном пиджаке и серой косоворотке. Пальба пошла сумасшедшая. Из смежной комнаты слева выбежал караульный с винтовкой, я свалил его двумя выстрелами.

– Наверх! На веранде пулеметчик, – крикнул Каракоев нашему мадьяру с красным бантом.

Тот бросился к лестнице. Я – за ним. Наверху уже показался красногвардеец с револьвером. Он растерянно посмотрел на меня и мадьяра – своего сослуживца.

– Что это? – спросил он.

Мадьяр воткнул штык ему в живот, я выстрелил в грудь, и он скатился по лестнице.

– Пулеметчик? – спросил я.

– Он ... – сказал мадьяр.

Мы сбежали вниз.

В три минуты все было кончено. Юровский скрючился на полу с простреленным плечом, еще шестеро лежали у стола без движения. Медведкин, как и было ему приказано, с первым выстрелом упал на пол, прикрыв голову руками.

– Где Государь? – спросил Бреннер у наших мадьяр.

Оба кивнули в сторону угловой комнаты. Бреннер и Каракоев бросились туда, я за ними, за мной – Лиховский.

– Охранять вход и этих двоих! – приказал Бреннер мадьярам и распахнул дверь.

Через его плечо я увидел Государя и Государыню, неподвижно смотревших на нас. Наследник сидел на стуле, рядом стояли родители, остальные жались к стенам. Я узнал всех Великих Княжон, а также еще четверых из свиты. Да – все были здесь, все одиннадцать. Застыли будто манекены.

Царь шагнул нам навстречу, заслоня собой Наследника.

– Ваше Величество, вы свободны, – сказал Бреннер.

– Что? – переспросил Государь растерянно.

– Мы прибыли освободить вас ... – продолжил Бреннер, но его перебила Татьяна.

– Господи, Павел! – закричала она, узнав Лиховского.

А Анастасия увидела меня.

– Это же Леонидик! Леонидик! Наш юнга Леонидик с яхты!

Она бросилась ко мне, но тут же обернулась к неподвижным отцу и матери и повторила просительно:

– Это Леонидик!

И другие Княжны подхватили: Леонидик, Леонидик!

Это ли не мечта всякого рыцаря – спасти Принцессу! Четырех Принцесс.

– Ваше Величество! Капитан Бреннер – командир группы. Прошу вас следовать за нами!

– Да, да, конечно ... – сказал Государь медленно, но не двинулся с места. – А куда следовать?

– Для начала отсюда! Во дворе грузовик. План обсудим по дороге! Умоляю, Ваше Величество, вы в смертельной опасности!

– Нет! Это какая-то провокация! Где комендант! Где Юровский? – Взгляд Государыни метался панически, ни на ком не задерживаясь.

– Юровский больше не командует, – сказал Каракоев.

– Как не командует? Позовите Юровского! – требовала Государыня.

– Уходить надо, Ваше Величество!

– Мы никуда отсюда не пойдем, пока вы не объяснитесь! – сказала Государыня.

– Да, господа, кто вы такие? – спросил Государь с какой-то совсем не подходящей к моменту безмятежностью.

Это было неожиданное препятствие: освобожденные вовсе не спешили на свободу. Их можно было понять: они ничего не знали о нас и о наших планах. И конечно, не понимали, что мы только что спасли их от расстрела.

– Ваше Величество, вы знаете, для чего вас здесь собрали? – спросил Каракоев.

– Нас должны перевезти в другое место ... – сказала Государыня.

– Чтобы расстрелять, – сказал Бреннер.

– Что? – воскликнула Государыня. – Что вы говорите?

Бреннер обернулся назад.

– Где приказ?

Поручик Лиховский передал ему бумагу. Это было постановление Уралсовета, отобранное у Юровского.

– Вот приказ Уралсовета, Ваше Величество, о расстреле всей семьи. Нужно немедленно уходить!

Государь взял бумагу, пробежал глазами, вернул Бреннеру, растерянно потер лоб и переносицу.

– Ваше Величество! Мы теряем время! – простонал капитан Бреннер.

Государь посмотрел на него долгим отсутствующим взглядом. Это было непостижимо. Внешняя охрана пока не опомнилась, потому что приняла нашу стрельбу за расстрел, но

сколько это могло продолжаться? Я отодвинул плечом капитана Бреннера, протиснулся между ним и ротмистром Каракоевым и оказался в трех шагах от Государя.

– Ваше Величество! Спасите дочерей! Спасите Наследника! Нужно уходить! Сейчас же! Немедленно! – услышал я собственный голос будто чужой – тонкий, придушенный. Мельком подумал, что я, наверно, смешон. Но никто не смеялся.

Я повернулся к Царице, окруженной дочерьми.

– Ваше Императорское Величество! Промедление смерти подобно!

Видно, я действительно выглядел жалко. Великие Княжны смотрели на меня с состраданием, будто не они, а я был приговорен к смерти.

Я выстрелил в потолок. Кричать было нельзя, и я захрипел:

– На выход! Все на выход!

Все вздрогнули, будто проснулись.

– За мной! – скомандовал Бреннер. – Освободить проход!

Государь поднял на руки Наследника и вынес из комнаты. За ним остальные. Но тут снова случилась заминка. Увидев тела на полу, Император остановился, Императрица вскрикнула, Княжны прижались друг к другу.

– Неужели нельзя было без этого! – сказал Государь.

– Ваше Величество, на их месте были бы вы! – сказал Каракоев. – На улицу! Немедленно!

– Наши вещи! – Государыня оглядывалась на лестницу.

– Собрать все одеяла и матрасы! Постелить в кузове!

Каракоев, лакей Трупп, повар Харитонов и доктор Боткин побежали вверх в комнаты заключенных.

– Берем только самое необходимое! – сказал Лиховский.

– Только самое необходимое! – повторил Бреннер.

Наконец все двинулись через залу, обходя тела. Я подхватил под руки двух Княжон – Анастасию и Татьяну. Анастасия несла болонку и сумку. Татьяна – какой-то баул и подушку. Следом поручик Лиховский вел Марию и Ольгу. Обе несли по узлу и свои сумочки. Наследника нес Государь впереди всех, рядом с ним шла Государыня с большой сумкой и двумя подушками. Анна Демидова, горничная, несла два баула и пару подушек. Лакей Трупп и повар Харитонов тащили по два больших чемодана, доктор Боткин замыкал процессию с чемоданом, сумкой и саквояжем.

– Можно ли оставить хотя бы подушки?! – взмолился Бреннер.

– Нет! – в один голос воскликнули Государь, Государыня и горничная Демидова.

– Нельзя, – шепнула мне на ухо Анастасия, – там защиты драгоценности.

В спешке вышли во двор. Каракоев руководил выносом матрасов и одеял. Нашли также рулон сукна, которым, видимо, палачи планировали прикрыть тела в кузове. Его тоже вынесли к грузовику.

Наши мадьяры вывели Юровского и Медведкина. Гимнастерка на плече Юровского пропиталась кровью.

– Вы поедете в кузове с нашими, – сказал Бреннер Медведкину и стал втолковывать обоим комиссарам: – Внешняя охрана на воротах должна понять, что вы вывозите тела. Если в городе нас остановит патруль, предъявите бумаги. Ведите себя уверенно. В случае чего – первая пуля вам.

Семья и слуги стояли вдоль стены дома.

– Ваше Величество, всем придется лечь в кузове, – сказал Бреннер.

Мы помогли женщинам забраться в кузов, подняли туда Наследника и уложили его рядом с отцом. Царица и Княжны неловко устраивались вокруг Государя. Доктор Боткин и слуги поместились ближе к заднему борту. Анастасию я поднял вверх на руках. На мгновение ее испуганные глаза оказались совсем близко.

– Господи, спаси и помилуй, – прошептала она.
Наконец все улеглись. Стали укрывать «тела» кусками сукна – Анастасия вдруг вскочила:
– Где мой Джимми! Моя собака! Моя собака!
– Тише! Какая еще собака? – взмолился ротмистр Каракоев.
– Где собаки? Без собак не поедem! – твердо сказала Государыня.
– Собак придется оставить, – раздался голос капитана Бреннера из кабины.
– Нет! Без собак не поедem! – повторила Государыня. – Черт! Ловите собак! – рявкнул ротмистр Каракоев.

Но собаки и не думали бежать. Жались к колесам грузовика – все три. Их быстро забросили в кузов, и они прижались к своим хозяевам под сукном. Я и ротмистр Каракоев забрались в кузов и сели у бортов. Каракоев посадил рядом с собой Медведкина, уперев ему в бок ствол револьвера. Поручик Лиховский сел за руль, рядом с ним Юровский и капитан Бреннер.

– Открывай! – закричал Медведкин часовым, когда мы подъехали к воротам.
Ворота открылись, и грузовик выехал на Вознесенский проспект.

1 мая 1937 года Москва. Кузнецкий Мост

Чай в стакане остыл, и Нина, облокотившись на стол, держала сложенные вместе ладони перед лицом, будто молилась. Посмотрела на вошедшего Кривошеина и сразу отвернулась. Конечно, она его узнала: не первый раз он преследовал ее.

Кривошеин сел за столик поодаль.

На Нину приятно было смотреть. Она освежала, как глоток воды. Прохладная. Чистая. «Наверно, не было отбоя от кавалеров, пока все это не случилось», – думал Кривошеин.

Нина не смотрела больше в его сторону, поправила волосы, подозвала официантку.

Кривошеин шел за Ниной вниз по Кузнецкому, потом вверх по Кузнецкому. Чувствовал себя старым козлом, таскающимся по улицам за симпатичной девчонкой. Она знала, что он идет за ней, – не оглядывалась, но проверялась через стеклянные витрины магазинов, как настоящая оперативница. Не боялась его, принимая, кажется, за того самого козла.

Когда она свернула направо на Малую Дмитровку, Кривошеин догнал ее и пошел рядом.

Она остановилась, посмотрела ему в лицо презрительно.

– Думаете, если на вас эта форма, вы можете приставать к женщинам на улице?

– Могу. В этой форме я могу все что угодно. Могу отвести вас туда, где вы были сегодня, и вы оттуда больше не выйдете. Ваш отец расстрелян, брат арестован.

Она сразу увяла: поняла, что ошиблась насчет него. Кривошеин первый раз был к ней так близко. Уткнулся взглядом ей в шею.

– Зачем вы ходите на Лубянку?

– Узнать о брате. Забрали неизвестно за что. Неизвестно, где он ...

– Не надо туда ходить. Я узнаю о вашем брате.

Кривошеин уже узнал: брата расстреляли, но пока не хотел говорить ей об этом.

– Я не буду с вами спать, – сказала Нина.

– Почему? Вам настолько безразлична судьба брата?

Они стояли на узком тротуаре, прохожие задевали их и подталкивали друг к другу.

– Вы ... Кто вы такой?

– Капитан Кривошеин.

– Капитан? Это не слишком высокое звание.

– Капитан госбезопасности приравнивается к полковнику армии.

– Какая у вас должность?

– Старший следователь НКВД.

Она немного подумала и сказала, глядя в сторону:

– Да ...

– Что?

– Я пересплю с вами, если узнаете, что с братом. И пусть они возьмут для него передачу.

– Передачу не возьмут. О брате я узнаю.

– Один раз. Я пересплю с вами только один раз.

Она готова была отдаться, но на своих условиях, – надменная комсомольская принцесса.

– Не ходите больше на Лубянку. Никому не говорите о нашей встрече. Я вам позвоню, – сказал Кривошеин.

– Вы и телефон мой знаете?

Кривошеин не ответил и повернул обратно к Лубянской площади.

Первый раз он увидел Нину месяц назад, когда зашел в соседний кабинет к следователю Кабанову позаимствовать заварки и услышал ее фамилию – Шагаева. Поинтересовался у Каба-

нова между прочим, что за девица, что за дело? Оказалось – дочь героя Гражданской войны комдива Шагаева, расстрелянного в прошлом году по делу объединенного троцкистско-зиновьевского центра. Следователь Кабанов вел дело ее брата, тоже арестованного и уже расстрелянного к тому времени, но Кабанов продолжал морочить Нине голову, обещал посодействовать со свиданием и перепиской – просто она ему нравилась.

Кривошеин быстро выяснил о ней все: двадцать семь лет, закончила филологический факультет Московского университета, работала в газете, пока не уволили из-за отца – врага народа. Была замужем, но муж сбежал после ареста новых родственников.

Нина Шагаева. Невозможно, немислимо ...

17 июля 1918 года Екатеринбург

Сверху, с вышки, часовой видел, что в кузове под кусками материи свалены тела, а вдоль бортов сидят красноармейцы. Грузовик выехал из ворот Ипатьевского дома, свернул направо и еще раз направо, в Вознесенский переулок. Пулеметчик на колокольне проследил за ним до поворота и перекрестился.

Грузовик подсакивал на ухабах, подбрасывая тела в кузове. В третьем часу ночи на окраине ни души.

Вдруг в свете фар – пятеро всадников. Окрик: «Стой!»

Начальник патруля подъехал к кабине. Гимнастерка без погон и папах с красной лентой. Он спешился, посветил в кабину фонарем.

– Комендантский патруль. Кто такие?

Ближе всех к двери сидел капитан Бреннер, но он не стал отвечать, а надавил раненое плечо Юровского.

– Комендант Дома особого назначения Юровский. Вот мандат, вот пропуск.

– Дом особого назначения? Ипатьевский? – переспросил начальник патруля. – Это где Николашку держат?

Юровский промолчал и правильно сделал. Об этом доме не принято было болтать лишнего даже среди своих.

Начальник патруля взял бумаги, посветил фонарем, вернул.

– А что везете, товарищ Юровский?

Всадники привставали в стременах, заглядывая в кузов, но ничего не могли разглядеть в темноте, кроме пятерых красноармейцев, сидящих у бортов.

– Это секретно, – твердо сказал Юровский. – Я выполняю особое задание Уралсовета.

– Понял вас, товарищ Юровский. – Начальник патруля со значением поднял бровь. – Следуйте, товарищи!

И тут залаяла собака, и сразу же вступили еще две. Патрульные с недоумением уставились на кузов. Начальник патруля положил руку на кобуру и посмотрел в кабину.

– Это что?

– Повторяю, товарищ, я – комендант Дома особого назначения Юровский.

Юровский подался к самому окошку, с другой стороны к окошку придвинулось лицо начальника патруля. Между ними темнел неподвижный профиль капитана Бреннера.

– Это особое задание, – повторил Юровский.

– Это их собаки ... Их, – сказал Бреннер.

– Их? – переспросил начальник патруля.

– Их живые собаки оставлены с ними, – отчетливо выговорил Бреннер.

Офицеры в кабине и кузове уже тихо взвели курки наганов.

– Их *живые* собаки ... – И вдруг начальник улыбнулся. – Понял тебя, товарищ! Понял! – Восторженное и безумное промелькнуло в его лице. – Следуйте, товарищи! Да здравствует революция!

Лиховский дал газу. Всадники остались в темноте.

В шестом часу утра грузовик уже катил по едва заметной тропе среди густого леса, проделав сорок верст по тракту от Екатеринбурга в сторону Тюмени. Пока еще было темно, два раза останавливали красные конные разъезды, но бумаги Юровского делали свое дело: грузовик пропускали, предупреждая только, что белые близко.

Когда, по сведениям Бреннера, территория, подконтрольная красным, закончилась, свернули в лес и двигались на восток проселками. Ни одного белого патруля, к счастью, не встретили, хотя и на этот случай документы имелись. Линия фронта в этих местах часто проходила пунктиром: и белые, и красные предпочитали в лесах не плутать, а воевать в поле или на тракте, где могут развернуться конница и артиллерия.

Романовы сидели в кузове на матрасах и смотрели по сторонам. Именно смотрели с любопытством, а не озирались в тревоге. Никто не разговаривал. Солнце празднично полыхало на лицах сквозь деревья.

Еще через полчаса грузовик выехал на поляну и встал. Это уже была территория белочехов, встречи с которыми тоже пока удалось избежать.

– Господа, что же дальше? – сказал Николай негромко.

Он стоял в кузове во весь рост.

– Ваше величество, разрешите доложить наш план! – сказал Бреннер.

– Да уж сделайте одолжение.

Офицеры помогли всем спуститься. Алексея положили на одеяле под деревьями, семья расположилась вокруг него. Комиссаров тоже выгрузили и посадили на земле возле авто. Юровский совсем сдал – гимнастерка на правом плече была мокрой от крови.

– Здесь неподалеку станция, – докладывал Бреннер царю. – Стоит чешский эшелон. Мы договорились с начальником, что он за оплату берет англичанина, его семью и сопровождающих пассажирами до Владивостока. Я исходил из того, что вашему величеству сейчас лучше покинуть Россию. А сделать это можно только морем.

– И вы полагаете, для нас это возможно – проехать через всю Сибирь неизвестными?

– Полагаю, есть хорошие шансы. Чехов ничего не интересуется, кроме денег. И если мы примем некоторые меры маскировки, они вас не узнают.

– Какие же это меры?

– Прежде всего, ваше величество, вам необходимо сбрить бороду и усы.

– Сбрить?! Помилуйте, это невозможно!

– Ваше величество, речь идет о жизни и смерти. Если вы побреетесь и переоденетесь в гражданское платье, трудно будет вас опознать.

Царь помолчал.

– Вы в них уверены, в этих чехах?

– Насколько можно быть уверенным в чем-то в этой обстановке. Есть договоренность с начальником эшелона и его заместителем. Им нужны деньги и не нужны неприятности. В нашем распоряжении будет отдельный вагон. Эшелоны чехов не проверяются российскими властями, вот на что я рассчитываю. В любом случае – какой еще есть способ добраться до Владивостока?

– А не проще ли мне обратиться к командованию белых с просьбой о выезде из страны?

– Ваше величество, командование белых – это те же люди, что арестовали вас год назад.

– Разумеется. Но какое из двух зол, по-вашему, меньшее: скрываться или сдать?

– Доверять белым нельзя. Они в сговоре с эсерами и прочими социалистами. Если и есть среди них монархисты, они в подавляющем меньшинстве.

Царь помолчал.

– Какую сумму затребовали чехи?

– У нас есть средства.

– Нет, капитан. Я в состоянии оплатить дорогу.

– Ваше величество ...

– Это решено. – Царь кивнул, давая понять, что согласен с планом.

Бреннер распорядился:

– Павел, пойдешь на станцию к составу и приведешь чехов сюда. Только сначала оглядись там.

– Есть!

– Иними красную ленту с фуражки. Это всех касается. А то чехи еще перестреляют нас. Лиховский скрылся в зарослях. Бреннер снова обратился к царю:

– Ваше величество, необходимо побриться.

Царь сказал, глядя на носки своих сапог:

– Что ж, пожалуй, я сбрею, но только бороду.

– Ваше величество!

– Капитан, это не обсуждается. Усы останутся.

– Так точно, ваше величество!

– Я побреюсь в поезде.

– Сейчас, ваше величество, сейчас! К приезду чехов.

Из записок мичмана Анненкова

17 июля 1918 года

Они расположились под деревьями на одеялах. Государыня обнимала сына. Доктор Боткин сидел рядом. Княжны смотрели, как лакей Трупп бреет Государя. Собаки гонялись друг за дружкой среди травы. Свобода! Комок стоял в горле, но я улыбался. Все улыбались, даже Бреннер.

И тут Ее Величество обернулась ко мне:

– Молодой человек, подойдите.

Я подошел.

– Дорогой мой! Я помню вас еще ребенком на нашей яхте, но позабыла, как вас зовут.

– Мичман Анненков, Ваше Императорское Величество!

– А имя?

– Леонид, Ваше Императорское Величество!

– Благодарю вас, Леонид! То, что вы сделали для нас, – немыслимо, невероятно!

Она встала и обняла меня. Я почувствовал ее прохладную щеку своей щекой. Я видел так близко это лицо, знакомое с детства ... Она сильно сдала в заключении и уже мало походила на свои портреты – обрюзгшая, увядшая ...

Я вдруг оказался в окружении Царевен. Они обнимали меня по очереди, я смотрел в их сияющие глаза. Объятие Анастасии длилось дольше. Помнила меня! Помнила, хотя шесть лет прошло с тех дней, когда бегали мы с ней по палубам «Штандарта»! И другие Принцессы узнали меня, но как?! Где тот юнга-переросток, и где я сегодняшний ...

Конечно, расцеловали и Каракоева, и Бреннера ...

Признаться, я совсем забыл о наших пленных. Они сидели на земле у грузовика под охраной мажар.

Об этих мажарах. Они появились в нашей команде лишь две недели назад. Кто они были по национальности на самом деле, я так и не знаю до сих пор. Мы стали звать их мажарами, потому что, кажется, они были из пленных австро-венгерских офицеров, перешедших на сторону большевиков, но могли быть и чехами, и немцами, и словаками. Они служили во внутренней охране Ипатьевского дома, Бреннер завербовал их за большие деньги. Через них мы получали точные сведения о внутреннем распорядке и охране в Ипатьевском доме. Один из них, Густав, пришел к нам днем 16 июля и сообщил, что принято решение о казни Государя и Семьи ночью прямо в доме. Оба мажара назначены в расстрельную команду. Около полуночи должен приехать грузовик для вывоза тел. Раньше его прибытия убивать не будут.

Конечно, мы рисковали, доверяя этим сведениям: большевики могли поменять свои планы. Это могла быть и провокация, если мажар раскрыли и переманили обратно. Но других сведений мы не имели, как и другого способа проникнуть в дом. И мы рискнули. С помощью одного из мажар перехватили грузовик на пути к дому, водителя убили, а Медведкина взяли живым. Неделю за неделей, месяц за месяцем мы ждали удобного момента – сначала в Тобольске, потом в Екатеринбурге – и все сошлось, будто нас вела и направляла неведомая сила ... Ко мне подошел Бреннер.

– Мичман, этих отпускать нельзя. Отведем их в карьер – мы его проезжали.

Я тоже понимал, что отпускать комиссаров нельзя. Но почему для этой экзекуции Бреннер выбрал именно меня?

– Выстрелы будут слышны, – сказал я.

– И что же?

– Мне кажется, Государыне и Княжнам лучше их не слышать.

– Там низина ... Ну, грузовик заведем ...

Я оглянулся на комиссаров. Татьяна и Ольга перевязывали плечо Юровскому, сидя на траве рядом с ним.

Когда они закончили и вернулись к Семье, Бреннер приказал комиссарам встать и идти за ним.

– Куда? – спросил Медведкин.

Бреннер мотнул головой:

– Туда ...

5 мая 1937 года Москва

В зоопарк Кривошеин пришел по гражданке: в светлых брюках, кирпичного цвета футболке и парусиновых теннисных туфлях – совслужащий на отдыхе.

У вольера молодняка висела табличка: «Здесь впервые ставится опыт по совместному содержанию молодых животных разных видов: лисиц, енотовидных собак, шакалов, барсуков, львов, волков, динго, медведей, резусов». Но пока в вольере кувыркались два медвежонка, а поодаль сидел какой-то неопределенный сонный щенок – то ли волка, то ли дикой собаки динго.

Ровно в три часа Нина явилась в длинном платье стального цвета, с таким же пояском на узкой талии, белых теннисных туфлях и соломенной шляпке с серой лентой.

– Что вы хотели мне сказать?

Кривошеин посмотрел на красный воздушный шар, висевший над жирафами и слонами, на медвежат, возившихся за проволоочной сеткой.

– Ваш брат расстрелян два месяца назад.

Нина глянула, будто что-то решая про себя, потом отвернулась и пошла. Он догнал ее в гуще публики.

– Вам нужно уехать.

Нина шагала не оглядываясь. Кривошеин видел сзади только ее шляпку над длинной шеей.

– За вами могут прийти в любой момент.

Она будто не слышала.

– Вы обещали переспать со мной.

Надо было ее задеть, чтобы остановить.

И она остановилась. С ненавистью уставилась на Кривошеина мокрыми глазами.

– Хочешь меня прямо здесь?

– За вами придут рано или поздно. Вам лучше не появляться дома. Доверьтесь мне.

– Вы лжете, лжете!

Она ударила его по лицу, и это была не дамская пощечина – он почувствовал во рту вкус крови. Нина рыдала в голос, кривилась некрасиво. Быстро пошла вперед и скрылась в толпе. Он ее не преследовал.

В своей комнате пять на шесть метров Кривошеин лежал на кровати, листал толстую тетрадь в истертом кожаном переплете, мелко исписанную бегущими строчками. Вполуха слушал вражеские голоса за дверью, исполнявшие радиопьесу специально для него.

– Нет, Юлий Захарович, вы как хотите, но это форменное безобразие! Этот солдафон, он совсем уже ... Ну и что же, что он в органах работает? Ему поэтому полы можно не мыть? Он что теперь – граф какой? Мы с белой костью еще в семнадцатом году покончили! Тут ему слуг нету!

– Тише, Лариса Кузьминична. Мы же прямо под его дверью.

– Ну и пускай! Я ему и в глаза скажу! Каждый должен мыть места общего пользования в свою очередь!

Лариса Кузьминична специально повысила голос, чтобы ее было слышно всей квартире.

Кривошеин закрыл тетрадь на словах: «– *Куда?* – спросил Медведкин. Бреннер мотнул головой: – *Туда ...*»

Где-то далеко, на другом полюсе извилистого коммунального мира, слышался лязг кастрюль, шум воды и некрасивые голоса соседок. С улицы через открытое окно звенели трам-

ваи и свистели голубятники. Но эти звуки не заглушали диалог Ларисы Кузьминичны и Юлия Захаровича, а лишь создавали для него выразительное звуковое сопровождение.

– А как его заставить? Как? – вопрошал Юлий Захарович.

– Надо писать. Есть же у него начальники.

– Ох, нет, Лариса Кузьминична, лично я писать не буду и вам не советую. И не просто не советую, а даже запрещаю.

– Запрещаете?

– Да, запрещаю! Вы же нас всех под монастырь подведете.

Теперь голоса звучали приглушенно, секретно, но Кривошеин все равно отчетливо слышал каждое слово.

Он поселился здесь пять лет назад и с тех пор ни разу не убирал места общего пользования. Просто игнорировал свои обязанности в коммунальном сообществе. Никто из жильцов большой квартиры не решался сделать замечание капитану НКВД, но время от времени возмущение прорывалось наружу, и соседи обсуждали эту болезную тему будто бы между собой, но так, чтобы Кривошеин слышал.

– Да он просто плюет нам в лицо! – не унималась Лариса Кузьминична. – Вон Яков Васильевич – герой Гражданской войны, главный инженер кондитерской фабрики, а моет сортир как миленький.

– Надо еще проверить, из каких он, этот Кривошеин. Может, из бывших, – сказал рабочий Василий Комаров, шаркая тапочками мимо.

«Проверьте, проверьте ...» – Кривошеин усмехнулся. Он любил представлять своих соседей стоящими лицом к стене. Все они – человек сорок – построены у стенки во всю длину коридора, а он проходит вдоль строя и стреляет каждому в затылок.

Кривошеин встал с кровати, надел штаны и майку, выдвинул верхний ящик стола и достал маузер. Свое табельное оружие он, конечно, оставлял на службе, а этот маузер был наградной, полученный еще от самого товарища Дзержинского за участие в операции против белогвардейского подполья.

С маузером в руке Кривошеин вышел в коридор. В другой руке держал промасленную тряпочку и неторопливо протирал ею ствол.

– Добрый день, Лариса Кузьминична! Что-то случилось?

– Нет-нет, мы так, болтаем ...

Она засеменила по коридору в направлении кухни, а Юлий Захарович юркнул в свою комнату.

Кривошеин вернулся к себе. Положил маузер обратно в стол. Хрен им. Не будет он мыть сортир. Не будет, и все.

Профком не раз уже предлагал Кривошеину отдельную квартиру, положенную ему по званию и должности, но он отказывался в пользу семейных сослуживцев и оставался в своей комнатенке. А мог бы завести горничную и водителя.

Жизненный путь Кривошеина, увековеченный в его личном деле, был прост и прям, как траектория пули. Родился в Харбине в девятисотом году. Круглый сирота. До шестнадцати лет воспитывался в сиротском приюте Китайско-Восточной железной дороги, учрежденном еще ее старорежимным правителем генералом Хорватом. Выйдя из приюта, поступил слесарем в железнодорожные мастерские. Там вступил в большевистскую ячейку. В двадцать первом году перебрался из Харбина в Иркутск, где поступил на службу в органы ОГПУ. В двадцать четвертом был переведен в Москву как усердный, перспективный службист. Началась его работа в центральном аппарате ОГПУ, а потом в НКВД на Лубянке.

Кривошеин не рвался вверх, не участвовал в аппаратных интригах. Медленное продвижение по службе его совсем не беспокоило. Кажется, он был начисто лишен честолюбия. Коллеги удивились, когда Кривошеина перевели в спецотдел НКВД – подразделение столь же

загадочное, как и его начальник, знаменитый и харизматичный Глеб Иванович Бокий. Официальная специализация отдела – радиоперехват, шифровка и дешифровка секретных сообщений, но ходили слухи, что комиссар госбезопасности третьего ранга Бокий занимался в своем отделе черт знает чем: от охоты на снежного человека до опытов с гипнозом, от изобретения ядов до исследования телепатии. Особенно увлекался комиссар госбезопасности поисками пути в тибетскую Шамбалу, страну высших существ, обладающих древними мистическими знаниями.

Сослуживцы гадали, что ж такого нашел в Кривошеине Бокий? Кривошеин – телепат? Кривошеин – шаман? Ха-ха-ха!

Голоса в коммунальном коридоре примолкли. Остались только трамвайные звоны-переестуки из открытого окна. Кривошеин снова лег на кровать в своей комнате пять на шесть метров, открыл записки Анненкова и погрузился в чтение с того же места: «– *Куда?* – спросил Медведкин. Бреннер мотнул головой: – *Туда ...*»

Из записок мичмана Анненкова

17 июля 1918 года

– Следуйте за мной, – сказал Бреннер и кивнул мне, чтобы я шел позади.

Доктор Боткин бродил среди сосен. Лакей Трупп аккуратно водил опасной бритвой по щекам Государя. Алексей шурился на солнце, положив голову на колени Государыне. Княжны сидели и лежали на одеялах. Горничная Демидова и повар Харитонов дремали. Никто не посмотрел на нас, вернее, на них, на комиссаров. И они тоже не взглянули на своих бывших пленников.

Мы шли по той же тропе, по которой приехали сюда. Бреннер пропустил пленных вперед. Юровский уже не мог идти сам, повис на Медведкине. Они плелись, как на Голгофу поднимались, да простится мне это сравнение.

Мне еще не приходилось расстреливать. Бреннер о своем опыте в этом деле не распространялся.

Я стал думать о Царевнах. Их могло бы уже не быть на свете. Двое, бредущие впереди, убили бы их, выпили бы водки, а потом, в том своем будущем, рассказывали бы своим детям и внукам, что им выпало счастье царевубийства.

Мысли о спасенных Царевнах не помогали, напротив, размягчали мою решимость. Когда идешь убивать, лучше не думать ни о чем человеческом. Хорошо бы и совсем не думать, но не получается. Стал думать о том, что вижу вокруг, – цепляться за что-то. Всегда так делал на фронте, пока шли на позицию или ждали приказа в атаку: вот гильза на бруствере – оставляю гильзу; моток колючей проволоки – оставляю моток; лопух растет – прощай, лопух; береза кривая – оставляю березу, оставляю, оставляю ... Пока тишина и те, другие, еще не ждут нас или ждут тихо в своих окопах, иду, оставляю – будто метки, якоря, за что уцепиться. Оставляю на чем-то себя, чтобы вернуться ...

Пологим спуском мы сошли до самого дна карьера, где широко раскинулась лужа. Сырая глина моментально налипла на сапоги. Перед лужей комиссары остановились. Медведкин держал Юровского, закинув его руку себе на плечи, – точно двое приятелей возвращались с попойки и хорошо выпивший поддерживал совсем пьяного. Я посмотрел на Бреннера. Тот поднял маузер, я тоже вскинул наган и выстрелил в Медведкина. Он согнулся и упал. Бреннер выстрелил два раза в Юровского, потом еще два раза в каждого, когда они уже лежали. Я не смотрел на тела в луже, но краем глаза заметил красное пятно, растекавшееся в желтой воде. Бреннер спрятал маузер в кобуру и пошел наверх, я – за ним. Пудовые глиняные гири на сапогах сковывали шаг, будто не пускали, тянули назад. Не повезло тем двоим – остались в луже.

На фронте я часто думал о том месте, где меня убьют. Перед атакой разглядывал поле, по которому бежать на пулеметы, и оценивал его как свой последний пейзаж. Когда мне в немецком окопе штыком проткнули бок, я лежал в пыли и думал: неужели здесь все и кончится? Как ни странно, ощущение нелепости конца не было связано с фактором времени – с моей молодостью, краткостью жизни или с незавершенностью каких-то дел. Нет. Обидно было только из-за места: Господи, почему здесь, на этом унылом пустыре? Тоскливо не оттого, что «сейчас», а оттого, что «здесь».

Когда мы вернулись на поляну, Государь уже переоделся в гражданское платье, позаимствованное из чемодана Боткина. Доктор был выше ростом и крупнее, и черный суконный костюм сидел на Государе мешком. Бритый (а он в конце концов согласился побриться полностью и даже побрить голову), Государь теперь походил на коммивояжера. Конечно, глаза, улыбка – все те же, и тот, кто знал его лично, не спутал бы ни с кем. Однако сходство с парадными портретами исчезло. Государь, как и Государыня, постарел и обрюзг в заключении, и это давало надежду на благополучный исход нашего предприятия.

Его Величество прошелся перед семьей. Дочери и сын улыбались. Государыня смотрела печально.

– А я нахожу, что папá очень мил, – сказала Ольга. – Я бы прогулялась с ним по Невскому, и нас никто не узнал бы.

Всем семейством стали спорить, узнали бы Государя в этом наряде на Невском или нет. Удивительно, но они словно сидели в гостиной Александровского дворца за чаем или на пикнике в Ливадии и препирались о пустяках.

Все же нехорошо, что мы просто бросили тех в карьеру. Нужно было закопать.

Я стал смотреть на Княжон. Надо сказать, они пообносились. Их застиранные платья приобрели сиротский серый оттенок. Но ни штопанные подолы, ни стоптанные башмаки не могли скрыть тихого сияния, исходившего от Принцесс. Сияние и безмятежность. Это не выражалось ни в чем – ни в лицах, ни в голосах, ни в осанке – и в то же время во всем. Разве можно не видеть этого, не понять с первого взгляда, кто они? Поднять на них руку! Замышлять их убийство! Но, может, только я вижу их такими?

Я смотрел на Принцесс, а они словно забыли обо мне, о нас с Каракоевым и Бреннером – обо всех: белых, красных, монархистах, анархистах, суетившихся вокруг них с оружием, убивавших друг друга. Вот были Медведкин с Юровским, караулили, досаждали, а потом их увели куда-то – и они исчезли. Вот были мы, герои, освободители. Но и мы растворились, слились с деревьями, травой. Эти девочки словно отделились от нас прозрачной стеной. Задевало ли это меня? Нет! Смешно даже помыслить такое! Я знал: они имели на это право. Как хорошо, что они просто жили среди этих живых деревьев. Неугасимое сияние и неколебимая безмятежность.

Если бы тем двоим в карьере удалось погасить их сияние, что это был бы за мир – мир царубийства? Что это была бы за Россия?

17 июля 1918 года Екатеринбург

Чехи приехали через два часа, пятеро верховых: два офицера и три солдата. С ними Лиховский, тоже верхом. Не спешиваясь, чехи посмотрели на семью, расположившуюся на поляне, как на пикнике.

Царевны в штопанных платьях; царица в старой бесформенной кофте и простой юбке, с неопрятно свисающими прядями волос; царь в неуместном здесь костюме, явно с чужого плеча, в картузе, надвинутом на самые брови; нездоровый мальчик в солдатской гимнастерке и сапогах; доктор Боткин, полный, измученный, похожий на пожилого деревенского попа; трое слуг, которых можно было принять скорее за торговцев с сельской ярмарки, чем за лиц из императорской свиты ...

– Какие-то они ... потасканные, эти англичане, – сказал старший по званию капитан Кан. – Похожи на русских беженцев.

– Это маскировка, – сказал Бреннер.

– Они точно могут заплатить? – усомнился поручик Данек.

– Абсолютно. Аванс – как только сядем в поезд.

Оба чеха хорошо говорили по-русски – лишь с легким акцентом. «Англичане» не обращали на чехов никакого внимания, не бросили даже взгляда в их сторону. Лица царицы и царевен под шляпками скрывали вуалетки.

Поручик Данек уставился на царевича.

– Что с этим парнем? Он болен?

– Чахотка, – сказал Бреннер.

– А может, тиф?

– Нет.

– Чахотка тоже заразна, – сказал капитан Кан. – Заразных не берем!

– Послушайте, капитан, чахотка не тиф. Они будут ехать в отдельном вагоне, из которого не должны выходить и в который никто не должен входить. Мы ведь так договорились? В чем же вопрос? Если эти правила будут соблюдаться, никакой опасности.

Старший кивнул:

– Хорошо. Грузитесь – и поехали.

Еще неделю назад поручик Лиховский перешел из Екатеринбурга линию фронта и договорился с чехами. Чешские эшелоны с награбленным добром катили через всю страну к Тихому океану. Один из таких, набитый антикварной мебелью, мехами и прочим, стоял под Екатеринбургом, ожидая команды на отправку. Деньги предложены были настолько серьезные, что капитан Кан обещал тянуть неделю с отправкой эшелона под разными предлогами, дожидаясь «англичан».

Странная история приключилась в тот год с чехословацким легионом. Можно было бы назвать ее «Невероятные приключения чехов в революционной России». Летом восемнадцатого года именно они стали властителями железных дорог на всем пространстве от Волги до Владивостока. И не только дорог. Мятельный чехословацкий корпус – сорок тысяч штыков – неожиданно оказался единственной организованной военной силой в огромной стране. Красные и белые еще только обменивались пробными ударами, как боксеры в первом раунде, а полки чехов уже раскатились по всей длине Транссибирской магистрали. В каждом захваченном городе они перегружали золото из банковских сейфов в свои эшелоны. Грабили склады и лабазы, не особо разбираясь, кому они принадлежат, и расстреливали большевиков. Управы на них не было. Белым нужны были чехи, чтобы убивать красных.

На запасных путях станции Баженово Романовы и свита погрузились в пульмановский вагон, прицепленный к чешскому эшелону. Двое мадьяр получили от Бреннера обещанную мзду и исчезли. Брошенный грузовик чехи тут же угнали куда-то – продали, наверно, своим белым союзникам.

В купе заперлись двое чешских офицеров, четверо русских и пожилой ювелир. Капитан Бреннер открыл портсигар, достал из него бриллиант величиной с горошину и положил на стол.

Ювелир внимательно изучал горошину через лупу. Долго разглядывал. Наконец восхищенно причмокнул губами:

– Экселенте!

– Спасибо, Борис Сигизмундович, – сказал капитан Кан. – Оставьте нас.

Он положил горошину в портсигар, портсигар в нагрудный карман френча, и, когда горошина упокоилась на его груди, Бреннер еще раз уточнил:

– Значит, мы договорились о следующем. Этот вагон принадлежит нам на всем пути до Владивостока. Никто посторонний не должен в него входить.

– Об этом не беспокойтесь. Мы не допускаем проверки наших эшелонов российскими властями.

– Во Владивостоке мы заплатим вторую половину таким же образом. И надеемся на ваше содействие в погрузке на один из пароходов.

– Хорошо. Но это за отдельную плату, – сказал капитан Кан.

– Разумеется.

– Если ваш англичанин бежит от красных, то почему он желает избежать встречи с белыми? – спросил поручик Данек.

– Мистер Мэттисон избегает контактов с любыми русскими властями – красными или белыми. Его желание – как можно скорее вывезти семью из страны.

– Что ж, его можно понять. Мы сами желаем того же.

Русские пожали руки чехам, и те уже вышли в коридор, когда Бреннер спросил:

– Еще одно, просто из любопытства: а кто проверит подлинность наших бриллиантов во Владивостоке?

– Как кто? – усмехнулся капитан Кан. – Борис Сигизмундович. Он поедет с нами. Разве ваши бриллианты не стоят того, чтобы проехать пять тысяч верст?

– Откуда вы знали, что мы будем платить бриллиантами?

– А мы не знали. У нас в эшелоне всегда есть ювелир ... на всякий случай.

Чехи козырнули и вышли, а русские сели, будто следуя обычаю присесть на дорожку. Молчали, глядя в окно на станцию. По перрону влачился безногий инвалид с Георгиевским крестом на гимнастерке, опирался руками на две деревянные подставки. Прошла крестьянка с корзиной яблок.

– Станция Баженово, твою мать, – сказал ротмистр Караков. – Ювелира они с собой возят! А мы им платим за проезд по нашей земле, по нашей железной дороге ...

Два крестьянских парня, прислонившись к стене, лузгали семечки, поплеывая себе на сапоги.

– Чертово дерьмовое свинство, – сказал ротмистр Караков.

Капитан Бреннер встал.

– Господа, а что за похоронное настроение? Мы уже в поезде, и с нами августейшая семья, которую мы – *мы* – сумели вырвать из лап большевиков! Ура, господа! Только тихо.

7 мая 1937 года Москва. Лубянка

- Головы отвезли в Москву?
- Головы? – удивился Медведкин.
- Ну, не играй тут мне! Не в драмкружке. Головы отрубили?
- Отрубили! Но не возили их никуда! Закопали отдельно от тел!

Кривошеин снова сидел напротив Медведкина в кабинете и смотрел в угол, где у плинтуса притаилась сгоревшая спичка. В другом углу неслышно и недвижимо пребывал начальник Кривошеина – комиссар госбезопасности третьего ранга Глеб Бокий, пожелавший лично взглянуть на подследственного Медведкина.

– Есть сведения, что головы Романовых отвезли в Москву Якову Михайловичу Свердлову, – пошел Кривошеин на обострение, чтобы встряхнуть своего шефа, неподвижного последние четверть часа, будто ящерица на припеке.

– Председателю Совнаркома?! Второму человеку в стране?! Головы?! Зачем?! – Кажется, Медведкин вот-вот сорвется со стула и забегает в истерику по кабинету.

– Ну, ты не ори на меня. Отвезли головы, чтобы отчитаться ...

– Вранье! Вранье! – простонал Медведкин страдальчески.

Кривошеин что-то записывал в протоколе. Бокий давно уже перестал слушать, будто отключил звук. Разглядывал скучное лицо Кривошеина. Бокию нужно было принять решение, судьбоносное для них обоих.

Никто в Управлении и подумать не мог, что именно Кривошеин станет главным фаворитом начальника спецотдела. Все прошлые надежды чекиста-мистика развеялись в лубянских коридорах, все прежние маги и шаманы его разочаровали. Иных уж нет, а те далече. И вот явился этот служака и зануда – не странный, не харизматичный, но обладавший тайной. Долгожданный проводник в зазеркалье, желанное и недостижимое для комиссара госбезопасности третьего ранга.

Кривошеин оторвался от протокола и посмотрел на Медведкина.

– Значит, вы просто стреляли и стреляли в кого попало? Чушь! Не могли вы там стрелять! Сколько вас было стрелков?

– Восемь ... Нет, девять ...

– А по другим свидетельствам – одиннадцать-двенадцать! И одиннадцать приговоренных! Где вы там все поместились в комнате двадцать пять квадратных метров? Да вы бы перестреляли друг друга!

– Да, было тесно. Мы стреляли ... Не понимаю, что вы хотите узнать, гражданин следователь, – с тоской бормотал Медведкин.

– Не могли вы там стрелять! Вы их зарезали, закололи трехгранными клинками! Так ведь? Так?

Медведкин мотал головой:

– Стреляли мы, стреляли, гражданин следователь ... и штыками – тоже. Но не помню я, какие это были штыки ...

Кривошеин набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул. Настало время главного вопроса.

– Это был ритуал?

– Что?

– Еще раз переспросишь, сука, я тебя отправлю в карцер на неделю.

– Да хоть убейте! Какой ритуал? Я не понимаю, что вы имеете в виду, гражданин следователь!

Бокий встал, подошел к столу и сказал, вглядываясь в лицо подследственного:

– Ритуал принесения в жертву царя и семьи.

Медведкин хлопал глазами.

– Не знаю я ничего, гражданин комиссар госбезопасности третьего ранга. Ну, если только вы имеете в виду жертву во имя революции?

– А может – на погибель революции? Кто придумал принести царя в жертву? – Бокий упирал в лицо Медведкина неподвижный взгляд.

Тот съежился, исчезал.

– Не понимаю, о чем вы, гражданин комиссар госбезопасности третьего ранга. Какая жертва? Совсем не понимаю!

Мгновение Бокий смотрел на Медведкина сверху вниз, а Кривошеин на Бокия – снизу вверх, нахохлившись над протоколом. Бокий равнодушно отвернулся, потеряв интерес к подследственному, и снова сел в угол.

«Кто это? Откуда он взялся?» – спрашивал себя Бокий, вглядываясь в простецкое лицо Кривошеина. Конечно, его тщательно проверили. Все, что он написал в автобиографии, и все, что было о нем известно из разных источников, – все подтвердилось. Бокий чувствовал, что Кривошеин не так прост, как хочет казаться, но в чем подвох, не мог понять.

Когда этот невзрачный капитан явился на прием, просто записавшись у секретаря, и заявил, что знает дорогу в сказочную Шамбалу, Бокий подумал: провокация. Вольность двадцатых годов давно миновала, настали другие времена, и прорывы в неизведанное, в потустороннее наверху уже не приветствовались, мягко говоря. Наверняка кто-то из недругов решился-таки копнуть под комиссара госбезопасности. Но Кривошеин держался уверенно, будто и мысли не допускал, что его откровения о Шамбале могут быть опасны для него самого.

Бокий тут же предложил капитану проехать с ним на конспиративную квартиру и там продолжить разговор. Кривошеин согласился, снова проявив полное и совершенное спокойствие.

На квартире Бокий приставил ствол нагана ко лбу Кривошеина и спросил, кто его заслал и с какой целью. Кривошеин, казалось, удивился такому повороту, но не испугался, а произнес внятно и раздельно какие-то слова. Это было по-тибетски. Бокий знал несколько слов еще со времен подготовки экспедиции в Шамбалу двенадцать лет назад. И это были не просто слова – ритуальные термины, им научил чекистов один настоящий лама из Тибета. Для провокации это было слишком уж сложно. Так глубоко теперь не копали.

Капитан Кривошеин утверждал, что в прошлой жизни был у ворот Шамбалы и ему известно, где вход в иной мир. Его посещают видения прошлой жизни и другого мира. Не то чтобы Бокий поверил сразу и безоговорочно, но чутье подсказывало ему, что Кривошеин по крайней мере не врет. Он может добросовестно ошибаться, быть жертвой самовнушения. Тогда он сумасшедший, но не провокатор.

Профессор Барченко, занимавшийся в отделе у Бокия изучением необъяснимого и потустороннего, обследовал Кривошеина и нашел, что его тибетский опыт достоверен. Ему известны такие детали быта и культа Тибета, которые постигаются только личным опытом. В общем, Шамбала снова была близко, а с ней к революционному мистику Бокию вернулось забытое ощущение жизни и смысла ...

Бокий включился и увидел, что Кривошеин подвинул Медведкину бумагу.

– Вот здесь подпиши.

– Что это?

– Твое чистосердечное признание в контрреволюционной пропаганде и агитации.

– Но я же ... Я ни в чем не виноват, гражданин следователь. Я всю жизнь в партии. Я за партию ... да я кого хочешь ... – Медведкин заплакал.

– Ну что ты нюни распустил? Когда царских детей добивал, не плакал?

Медведкин перестал реветь и посмотрел на Кривошеина с недоумением.

– Так вы что же – жалеете их?

Он будто прозрел.

– Это вы – враг народа, гражданин следователь! Вы сочувствуете кровопийцам Романовым! Я буду жаловаться! Я напишу на вас ...

Тут он вспомнил о комиссаре госбезопасности, притаившемся за его спиной.

– Товарищ комиссар госбезопасности третьего ранга! Он же враг, этот следователь! Разве вы не видите! Это он враг, а не я!

Бокий встал.

– Товарищ комиссар госбезопасности! Я ни в чем не виноват, а он, вот этот, он же открытый монархист!

Бокий думал, глядя в некую точку пространства, и Медведкин на мгновение поверил в счастливый поворот в своей судьбе.

– Вы не знаете, что здесь творится! – с жаром бросился Медведкин развивать успех. – Этот следователь – он только про Романовых и спрашивает! Его вообще ничего больше не интересует!

– Молчать ... – сказал Бокий негромко и распорядился: – Кривошеин, заканчивайте, нам нужно поговорить.

– Слушаюсь. Конвой!

Конвоир увел потрясенного подследственного, но Бокий не стал говорить в кабинете, и они с Кривошеиным зашагали по длинному пустому коридору.

Бокию тесно было в рамках казенного материализма. Он собирал вокруг себя шаманов, магов и каббалистов, чтобы найти дверь в другое измерение, – куда угодно, лишь бы отсюда. И Кривошеин предложил комиссару госбезопасности третьего ранга свой путь в Шамбалу, но застолбил для себя тему, интересовавшую его на самом деле, – жертвоприношение царской семьи.

Бокий и сам подозревал, что с казнью Романовых дело нечисто, и дал Кривошеину относительную свободу действий. Но что-то не складывалось. Арестованные под разными предлогами участники расстрела царя признавались в чем угодно: в контрреволюции, в шпионаже, в подготовке покушения на Сталина, только не в том, что казнь царя была ритуалом. Шагая по коридору, Бокий думал, что с царской темой пора заканчивать.

– Медведкин бубнит одно и то же про расстрел и сжигание тел. Ничего нового, – сказал Бокий.

– Думаю, он действительно больше ничего не знает, товарищ комиссар госбезопасности третьего ранга ...

– Так, может, и не было никакого ритуала?

– Я уверен, что Романовых принесли в жертву. Медведкин – мелкая сошка, потому и не знает ничего. Его использовали втемную ...

Бокий прервал Кривошеина с раздражением:

– Мне ведь тоже ничего не известно ни о каком жертвоприношении. Объясните мне, почему я, один из самых информированных людей страны, ничего не слышал ни о каком ритуале в связи с казнью царя?

– Никто не знал об этом, кроме заказчиков и Юровского.

– И вы думаете, заказчик Свердлов?

– Он тоже не был главным. Промежуточное звено.

– Кто же был главным?

– Это я и пытаюсь установить. Медведкин – отработанный материал, нужны другие. Нужно брать их всех, всех, кто руководил казнью Романовых. Прежде всего – Юровского. И весь Уралсовет.

– Ну-ну, охолоните. Юровский, Уралсовет – заслуженные перед революцией товарищи. На каком основании вы собираетесь их брать?

Кривошеин посмотрел на Бокия с недоумением.

– Основания не вопрос.

– Жертва приносится для чего-то. Для чего же?

– Они хотели власти, абсолютной. Жертвоприношение царя с семьей должно было дать им невиданную силу.

Бокий остановился у окна, оглянулся – пусто в коридоре.

– Почему же Юровский до сих пор не на месте ... – Бокий со значением показал глазами в потолок, – а Свердлов ненадолго пережил царя?

– Потому что у них не получилось. Где-то они ошиблись в ритуале.

– Допустим, вы правы. Над царем совершили ритуал. И что нам с этого?

– Я убежден, существуют способы управления миром, судьбами людей и целых государств, известные только узкому кругу посвященных. Вы ведь тоже в это верите. Неизвестные нам законы можно и нужно поставить на службу делу коммунистического строительства.

Да, Бокий верил, что многие законы мироздания еще предстоит открыть. Ленин говорил: «Социализм – это советская власть плюс электрификация ...» Бокий думал: коммунизм плюс мистические знания Шамбалы – путь к светлому будущему человечества. А вот версия с царским жертвоприношением, похоже, зашла в тупик.

– Разрешите допросить Юровского, – сказал Кривошеин.

– Нет. Я запрещаю всякие действия в этом направлении.

– Как? Товарищ комиссар ...

– Запрещаю. Мы должны готовиться к нашей миссии.

Кривошеин устался на Бокия.

– Когда?

– Послезавтра встречаемся на квартире. Там все и обсудим. Я принесу паспорта, а вы ими займетесь. Вы готовы?

– Я готов, – сказал Кривошеин. Да и не было у него возможности сказать что-то другое.

– Хорошо. Время пришло.

Бокий в первый раз с начала разговора посмотрел в глаза Кривошеину, и тот выдержал взгляд.

– По какому обвинению Медведкин проходит?

– Контрреволюционная агитация и пропаганда.

– В расход. Сдавайте дело, а я там потороплю с приговором и приведением в исполнение.

Бокий пошел к выходу, Кривошеин побрел по коридору к себе. «Значит, Шамбала», – думал он. Рано или поздно это должно было случиться. Они заключили тайное соглашение: Бокию – Шамбала, Кривошеину – ритуальное убийство царя. Время шло, а Шамбала была все так же недостижима, и жертвоприношение все так же недоказуемо. И вот Бокий решился. Почувствовал, что тучи над ним сгущаются.

Все в Управлении знали, что нарком внутренних дел Ежов давно уже точит зуб на начальника спецотдела. И никакая Шамбала не могла уже спуститься с гималайских высот и повернуть вспять колесо его судьбы, если только он сам не поднимется к Шамбале. Это и был план Бокия, который он изложил Кривошеину при заключении ими союза: в любой момент, когда Бокий решит, они вдвоем по фальшивым паспортам выедут в Тибет. Конечно, в органах это сочтут бегством и предательством. И тут Бокий широко откроет врата Шамбалы советскому правительству, победителем вернется в Москву, а победителей не судят.

Вот только Кривошеин в Шамбалу не собирался.

13 мая 1937 года Полигон под Москвой

– Водки выпьешь, капитан? – предложил Василий Блохин.

Кривошеин взял стопку со стола, выпил, закусил соленым огурцом, нарезанным мелкими дольками на тарелке. Кто-то подвинул ему еще тарелку с салом, но он покачал головой и сел у стены на лавку. Водка была ни к чему, он и так справлялся, но отказываться здесь было не принято. Это выглядело бы как неуместная бравада. Отказаться – значило бы поставить себя выше других офицеров, что сидели за столом и выпивали – умеренно, впрочем. Вряд ли водка нужна была им, чтобы снять напряжение, унять дрожь в руках или еще для чего-либо в этом роде. Скорее, это была дань традиции – как выпивка на рыбалке: собрались мужики для мужского дела, ну и выпивают.

Кривошеин приехал на закрытый полигон расстрелять Медведкина, подписавшего признание и получившего вышку в ускоренном порядке судопроизводства. Автозак с приговоренными опаздывал. Шестеро «исполнителей» – все в полевой форме, в званиях от лейтенанта до капитана – ждали. Выпивали, хрустели огурцами.

– Я вот думаю купить диван, – сказал молодой лейтенант.

– Диван – это хорошо, – сказал капитан с усами.

– Зачем тебе диван? – добродушно хмыкнул Василий Блохин. – Ты же не женат.

– А что же, товарищ капитан, только женатому можно на диване лежать?

– Ну куда ты его поставишь? В общежитии своей?

– А что же? Сначала в общежитии, потом, когда женюсь, квартиру дадут.

– Квартиру сразу не дадут. Ишь чего захотел – квартиру, – помотал головой капитан без усов.

– Конечно, сначала дадут комнату в коммуналке, – сказал капитан с усами.

– Пока капитана не получишь, никто тебе квартиру не даст, – сказал Василий Блохин. – И то, если служба будет без нареканий.

«И если доживешь», – подумал Кривошеин.

– А ты, капитан, получил квартиру? – повернулся Василий Блохин к Кривошеину.

– Нет. У меня комната в коммуналке.

– Вот видишь, а ты, летёха, уже на диван нацелился, – сказал капитан с усами.

– А чего ж тебе квартиру не дают? – Блохин смотрел на Кривошеина сочувственно. – В местном ходил? В профком?

– Да зачем мне? Я не женат. Одному хватает.

– А-а-а! Ну, вот так вот! Неженатым не дают квартиры, даже капитанам, – сказал Блохин.

Порядок работы был отлажен до автоматизма. Автозаки привозили приговоренных, капитан Блохин становился у ямы с пистолетом. Подручные подводили смертников по одному, ставили перед ямой. Блохин стрелял в затылок. Конвейер: подвели – выстрел, подвели – выстрел. Когда у Блохина кончались патроны, ему подавали заряженный пистолет. К «добровольцам» здесь относились несколько свысока, с усмешечкой, как специалисты в любой области подсмеиваются над дилетантами. Добровольцами были либо следователи, приезжавшие, как Кривошеин, собственноручно «исполнить» своего подследственного, либо просто гости – пострелять. Гости были, конечно, не кто попало, а высоких рангов и должностей, обычно после ресторана. Выстрел в чью-то голову как десерт или как отрезвляющий шок – кому как. Добровольцы нарушали отлаженную работу конвейера, и это раздражало спецов.

Кривошеин всегда сам исполнял своих. Сколько убил за двадцать лет в органах, не считал. Много ... но недостаточно. Еще до того, как стал следователем, бегал оперативником и стрелял врагов советской власти всех мастей: бывших белогвардейцев, анархистов, октябри-

стов, да и монархистов заодно. А потом и вовсе сказочное время настало: одни коммуняки объявили врагами других коммуняк – троцкистов, левых и правых уклонистов и прочих ревизионистов. Стреляй не хочу. Практически – по своему выбору. И стрелял. Ведь все виновны, все без исключения, и сам он – больше всех, но ему своя расплата, своя карма, как говорят в окрестностях волшебной страны Шамбалы. А комсомолка Нина, дочь комиссара и комдива? Нину он прощает, ибо спасает.

С полигона донесся рокот двигателя: подъехал автозак. Вошел начальник конвоя, принес списки и папки с личными делами.

– Как фамилия твоего, капитан? – спросил Блохин.

– Медведкин.

– Есть такой. Давай ты первый, чтобы мы потом не прерывались.

Кривошеин вышел из караулки в слепящий свет прожекторов, как на сцену. Приговоренные стояли на коленях под охраной конвоиров – резко очерченные светом силуэты, будто пешки на шахматной доске.

– Медведкин, – сказал Кривошеин начальнику конвоя.

Двое конвоиров подняли одну из пешек и подвели. Согласно процедуре, начальник конвоя сверился с фотографией в личном деле.

– Сам дойдешь? – спросил Кривошеин.

– Куда? – У Медведкина стучали зубы.

Кривошеин развернул Медведкина и подтолкнул в направлении ямы, зиявшей на границе света и тени. Медведкин сделал два шага и встал.

– Помочь? – спросил начальник конвоя.

– Справимся, – сказал Кривошеин.

Он крепко сжал локоть Медведкина, и плечом к плечу они пошли к яме. Медведкин вроде бы и не упирался, но шел – будто против ураганного ветра.

– Ну, давай, – уговаривал Кривошеин.

– За что? – пробормотал Медведкин.

Кривошеин удивился. Обычно в последние минуты смертники не разговаривают. Уже нет вопросов, и ответы не нужны.

– Почему? – Медведкин сопел и задыхался.

Кривошеин молчал. Не подарит он старому большевику такую роскошь, как смысл, в его последнюю минуту.

Кривошеин развернул Медведкина к яме спиной, с трудом оторвался от него. Вырвав свою руку из его рук, отступил на три шага, достал из кобуры пистолет. Секунда, две, три ... Кривошеин держал паузу, целясь в лоб. Медведкин закрыл глаза, губы его тряслись. Когда конвой уже готов был предложить свою помощь тюфяку-следователю, Кривошеин спросил:

– Это был ритуал? Скажи, тебе уже все равно.

Медведкин пошевелил губами. Кривошеин не расслышал.

– Что?

Медведкин снова пошевелил губами. И Кривошеин услышал, и даже не так услышал, как прочел по губам.

– Мы не стреляли ... Сначала не стреляли ...

Кривошеин убрал пистолет в кобуру, схватил смертника за локоть и потащил обратно к караулке. Медведкин едва переставлял негнущиеся ноги.

– Вы не стреляли? А что? Что вы делали?! – тряс его на ходу Кривошеин.

– Мы ... – сказал Медведкин что-то неразборчиво.

– Что?

– Сначала ... только потом достреливали еще живых ... – он едва ворочал языком.

– Что – сначала?

Кривошеин тащил Медведкина, опасаясь, что он вот-вот упадет и забьется в судорогах.

Когда до караулки оставалось с десяток шагов, раздался выстрел. Медведкин упал с дыркой над переносицей.

– Зачем?! – закричал Кривошеин, заслоняясь рукой от кинжального света.

Перед ним темной неразличимой грядой стояла расстрельная команда.

– Какого хрена ты творишь?! – слышался голос Блохина.

– Капитан, вы ответите за это!

– Это ты ответишь, идиот! Ты что тут устроил?! Приговор должен быть исполнен!

– Он начал давать показания! Важные! Открылись новые обстоятельства!

– Какие на хрен обстоятельства? Приговор вынесен! Вали отсюда, капитан! Завтра рапорт о твоих художествах будет у твоего начальства.

Ослепленный Кривошеин стоял будто на шахматной доске – один против фигур противника, а у ног его лежал поверженный ферзь ...

Пока шел к своей машине, за спиной каждую минуту раздавался выстрел. Был момент, когда Кривошеин остановился, достал пистолет. Скрежетал зубами и все же поборол желание вернуться и прострелить башку капитану Блохину, и стрелять, стрелять, пока его самого не свалят пулей ...

Нет. Нельзя. Нина.

Из записок мичмана Анненкова **19 июля 1918 года**

Эшелон отошел от станции Баженово только в десятом часу вечера, когда уже стемнело. Мы все вздохнули с облегчением. В движении спасение. Наконец мы удалялись от Екатеринбурга, от проклятого Ипатьевского дома, вокруг которого наверняка с утра уже носились комиссары.

После заключения и опасностей бегства в вагоне наступило блаженное затишье. Два дня спасенные спали.

Что касается нас четверых, то каждый по очереди заступал на шестичасовое дежурство. В обязанности дежурного входило выполнять просьбы и поручения Государя и членов Семьи, следить за обстановкой на перроне во время стоянок и не допускать посторонних в наш вагон.

Я стоял на посту в коридоре возле тамбура и слышал смех и голоса из купе Царевен. Они болтали и пикировались за картами с Лиховским и Каракоевым. Голос Лиховского властвовал, царил. Душа компании.

В четверке Великих Княжон было разделение на две пары: Ольгу и Татьяну звали «большие», а Марию и Анастасию – «маленькие». Я знал это еще со времен своей службы на Корабле (здесь и далее Корабль – это яхта «Штандарт». Так я всегда именовал яхту про себя, так и буду называть ее в этих записях – Корабль, именно с заглавной буквы), где быт и привычки Семьи во время продолжительных плаваний – как на ладони для всех членов команды. Так вот и мы с Лиховским в нашей четверке были «маленькими». Это и понятно: близкие по возрасту (Лиховскому было двадцать пять) и по военным специальностям, связанным с техникой (он – с аэропланами, я – с кораблями), мы сразу понравились друг другу. Ироничный, синеглазый, где бы Лиховский ни появился, всегда находилась пара женских глаз, провожавшая его с восхищением. Я иногда думал: черт, выпадет же столько счастья одному шалопаю.

Дверь купе Царевен открылась, и выпорхнула Анастасия, разгоряченная. Обернулась к компании и бросила:

– Оставьте, Лиховский! Вы все сочиняете на ходу ...

Закрыла дверь и посмотрела на меня лукаво.

– Леонид! Вы здесь так одиноки ...

– Служба, Ваше Высочество!

– Опять Высочество! Будто не помните, как меня зовут. Неужели забыли нашу дружбу?

– Мы были детьми, а теперь ... Вы так изменились ...

– Подурнела?

– Что вы! Напротив!

Подошла ко мне.

– Это же чудо – что вы с нами! Как вы здесь? Почему вы здесь? Вы пришли за мной? Я знала, что кто-нибудь придет, но не думала, что это будете вы. А впрочем ... не знаю, может, и думала ...

– Вы меня вспоминали?

Она помедлила всего мгновение и ответила, как мне показалось, искренне:

– Да, я вас вспоминала.

Она еще подумала.

– Вспоминала всякий раз, когда ... когда садилась в автомобиль или в вагон ...

– Почему?

Смущенно повела плечом.

– Запах машинного масла, угля, механизмов ...

Я изумился.

– Обо мне вам уголь напоминает? Почему?

– Наш Корабль, его железные тайны ... Вы же помните?

Она выделила это «помните» особенной ноткой в голосе и пристальностью взгляда.

– Помню ...

Двумя фразами мы так много сказали друг другу, что не стоило больше продолжать, и она – умница – тоже поняла это, отвернулась и сделала от меня несколько быстрых шагов. Но возле родительского купе снова глянула:

– А вы возмужали ... – И вошла.

Честно говоря, в те дни, сразу после побега, я не понимал, как вести себя с Царевнами. Прежнего детского между нами уже быть не могло, и как же теперь ... Зато Лиховский никаких трудностей не испытывал, будто не я, а он знал Царевен с детства.

Лиховский влюбился в Татьяну в госпитале, и ему повезло быть рядом с ней три недели – да-да, с Великой Княжной Татьяной Николаевной три недели дышать одним воздухом, говорить, смотреть в глаза и даже держать за руку; и более того – быть предметом ее ласковой заботы. Точнее, это не он был рядом с ней, а она рядом с ним, прикованным к госпитальной койке. Летом пятнадцатого года немцы подбили аэроплан Лиховского, но он, тяжело раненный в бедро и легко – в руку, сумел спланировать на наши позиции. И вот везение! Его отправили в тыл, в Царскосельский госпиталь, и первым, кого он увидел, открыв глаза после операции, была сестра милосердия Татьяна Романова. Она, как и Ольга, и Государыня, ухаживала там за ранеными.

Татьяна приходила каждый день, сидела у его постели, читала вслух. Конечно, она не была персональной сестрой милосердия подпоручика Лиховского. Но он утверждал, что именно с ним Царевна проводила больше всего времени, что она была от него без ума и специально приходила в госпиталь пораньше и уходила попозже, чтобы подольше побыть с ним. Хотя Лиховский мог и приврать ...

Из соседнего вагона вошел Бреннер.

– Все в порядке? – спросил он.

– Все спокойно. А что чехи?

– Заняты своими делами. Никаких признаков беспокойства на наш счет.

Бреннер встал рядом со мной у окна.

– Стараюсь держать связь с капитаном Каном, сблизиться, насколько это возможно. Он может быть нам полезен во Владивостоке при посадке на судно.

Надо признать, кроме Бреннера мы все расслабились. В нем я чувствовал постоянную сосредоточенность и настороженность, хотя и он не отказывал себе в приятном общении с Царевнами.

– Я спать. Будьте внимательны, – сказал Бреннер и ушел к себе.

Александр Иванович Бреннер, без сомнения, был человеком чести, но при одном только взгляде на него каждому приходило в голову, что лучше с ним не ссориться. Он как ястреб – птица благородная, но хищная.

Обстоятельства нашего знакомства были достойным прологом к будущим событиям.

22 февраля 1918 года я зашел в трактир на Гороховой, неподалеку, кстати, от петроградской ВЧК. Там было много пьяной солдатни и матросни, извозчики, мазурики, мутные личности, давно не выходившие из запоя. Шумно, накурено, гадко. Я только что продал свой офицерский кортик и впервые за последние дни мог рассчитывать на приличный обед. Несколько месяцев, как я уволился с флота. Временному правительству, по сути уничтожившему армию и флот своим приказом номер один, служить было противно, а со скинувшими «временных»

большевиками мне и вовсе было не по пути. И я как-то обрелся в Петрограде без цели, без средств и будто без воздуха.

Половой принес щи и стопку водки. К алкоголю я равнодушен, но так мерзко было на душе и вокруг, что хотелось тумана в голове.

Эти двое сидели за соседним столиком и уже изрядно нагрузились. Один – явно офицер, хотя и без погон, разумеется; второй, кажется, инженер-путеец. Я и не прислушивался особенно, но говорили они громко, и в общем шуме я поневоле улавливал отдельные фразы: «И вот представьте, она с этим мужиком ... от бессилия своего Ники ... Что там творилось и в какой степени принимали в этом участие Великие Княжны, это можно только себе вообразить ... Это Вырубова их свела. Сначала сама опробовала, а потом подружке царственной подложила мужика ...» Сомнений не было: они говорили о Государыне и Распутине. И более всего старался офицер.

Я встал и подошел к их столику.

– Встать!

– Что? – заморгал офицер.

– Извольте оторвать свой зад от стула!

Я уже упоминал, что рост у меня внушительный и довольно крепкое телосложение, и просто отмахнуться от меня не получится.

– В чем дело? – Офицер встал.

– Вы оскорбили Государыню Императрицу. Я вызываю вас! Извольте следовать за мной!

– Что?! Да подите вы ...

Я влепил ему пощечину. Он пошатнулся и замахнулся, чтобы ударить, но мой наган, упертый ему в живот, его остановил. Разумеется, я держал наган так, чтобы никто больше его не видел.

– Глянь, глянь! Офицерье собачится! – раздались веселые голоса.

На нас оглядывались.

– Или вы стреляетесь со мной по правилам чести, или я просто пристрелю вас на месте.

– Ах ты щенок, – прошипел офицер.

– Мичман Анненков. С кем имею?

– Капитан Манцев.

– Ну, так что?

– Черт с тобой. Валуев, будете моим секундантом.

Валуев, инженер, лишь испуганно повел плечами.

– Идите за мной! – Я пошел к выходу.

У дверей я столкнулся с только что вошедшим офицером – его лицо сразу внушило мне доверие. Он был в шинели без погон и в фуражке без кокарды. Это был Бреннер.

– Разрешите обратиться!

– В чем дело?

– Мичман Анненков! Могу я просить вас быть моим секундантом?

– Секундантом? Вы шутите?

– Нисколько. Я вызываю этого господина, а секунданта у меня нет.

Капитан Манцев и его секундант стояли за моей спиной.

– Глупость какая-то, – сказал Манцев, ухмыляясь.

Бреннер посмотрел внимательно на него и на меня и сказал:

– Если угодно, что ж – извольте ...

Мы шли по темной петроградской улице: я впереди, Бреннер следом, Манцев и его секундант замыкали.

– Я не представился. Капитан Бреннер, в отставке.

– Мы тут все в отставке, – пробурчал Манцев.

– Могу я узнать, в чем причина конфликта? – спросил Бреннер.

– Господин Манцев – язык не поворачивается произнести его офицерское звание – гадко отзывался о Государыне и Великих Княжнах, – сказал я и посмотрел на Бреннера.

Лицо его было бесстрастно, он лишь принял это к сведению.

– Господа, право же, давайте покончим миром, – канючил инженер путей сообщения.

Никто ему не ответил.

– Какое оружие и где место поединка? – спросил Бреннер.

– У меня револьвер. Можем стрелять по очереди, по жребию, – сказал я.

– У меня тоже есть револьвер, – буркнул Манцев.

– Тем лучше, – сказал я.

– Господа, ну ей-богу, давайте разойдемся. Оно того не стоит, – ныл инженер-путеец.

– Что того не стоит? Честь Государыни не стоит? – переспросил тихо Бреннер. Инженер-путеец сразу пошел на попятный:

– Да нет же, я не то хотел сказать. Конечно, Государыня – это святое! Да скажите же им, Василий Кузьмич, что Государыня – святое, и дело с концом! – обратился он к Манцеву.

– Молчать! – сказал Бреннер, не повышая голоса.

Как-то незаметно он взял на себя руководство и спросил по-хозяйски:

– Так куда мы все-таки идем?

– Найдем какой-нибудь пустырь ... – сказал я неуверенно, поскольку понятия не имел, где в центре Петрограда пустырь.

– А давайте-ка свернем сюда. Я знаю тут подходящее место, – сказал Бреннер и, не дожидаясь ничьих суждений на этот счет, вошел в ближайшую подворотню.

Мы оказались в темном проходном дворе. Бреннер остановился и с разворота ударил Манцева в лицо. Тот упал.

Это было неожиданно.

– Эй! Позвольте! – Инженер-путеец сделал шаг вперед и два шага назад и прижался к стене.

– Что вы делаете?! – удивился я.

Бреннер достал из кармана шинели наган и рукояткой снова ударил пытавшегося встать Манцева. Тот повалился на землю мешком.

– Капитан, оставьте! – сказал я, не вмешиваясь.

Бреннер несколько раз пнул стонущего Манцева, нагнулся над ним, обыскал, нашел револьвер, вытряхнул патроны из барабана и бросил в сторону. Затем схватил Манцева за ворот и приставил свой револьвер ему ко лбу.

– А теперь, скотина, проси прощения за Государыню Императрицу!

– Простите, простите! – забормотал Манцев.

– И ты проси прощения! – рявкнул Бреннер на инженера-путейца, вжавшегося в стену.

– Конечно, я очень извиняюсь!

– Хамы! Быдло! – сказал Бреннер и отбросил от себя Манцева. – Идемте, мичман!

Я заговорил уже на улице:

– Но это ... это же ... Разве так можно?

– Очнитесь, мичман! Вы в самом деле хотели стреляться с этой скотиной по всем правилам?

Бреннер шагал, поднимая воротник шинели.

– Но это же бесчестно!

– Вы, простите, дурак? Не видите, что творится вокруг? Так и ходите по улицам в поисках дурной пули?

Вскоре мы сидели в другом трактире. Я рассказал о себе, о своем недлинном послужном списке. Бреннера особенно заинтересовала моя служба юнгой на Императорской яхте. Он

подробно расспрашивал обо всем – до того подробно, что мне показалось, будто он меня проверяет. Скорее всего, так оно и было. О себе он сообщил только, что служил в полковой разведке на Юго-Западном фронте. Он накормил меня, ведь я так и не успел толком поесть; предложил водки, но я отказался. Он молча опрокинул пару стопок, а налив третью, вдруг спросил:

– Так вы любите Государыню?

– Люблю ...

– А Государя?

– И Государя! Я их всех люблю – все Августейшее Семейство. Когда я служил на Корабле, то есть на «Штандарте», я ... Это было счастливейшее время моей жизни. Но дело даже не в этом. Просто я не понимаю России без Государя. И все это свинство, которое теперь, я ненавижу, ненавижу ...

– Да. Это вы хорошо сказали – «все это свинство». Точнее и выразить невозможно. – Бреннер все еще держал стопку и смотрел на меня.

– Господин капитан, а вы любите Государя? – спросил я.

– Люблю, – ответил он твердо, не отводя взгляда, и опрокинул рюмку.

– Скажите мне честно, – сказал Бреннер, выждав, пока водка пройдет все этапы пути, – в кого из Царевен вы были влюблены?

Я смутился.

– Влюблен? Ну что вы ... Я люблю их всех, я же говорил, но это другое ...

Бреннер кивнул. Мы сидели молча среди кабацких пьяных воплей и споров. Мне не хотелось расставаться с этим человеком – в этом вселенском кровавом бедламе от него исходила сила и уверенность.

– Идемте со мной, – сказал Бреннер, – если хотите посвятить себя благому делу.

– Какому?

– Там увидите. Это достойное дело, дело чести.

Через полчаса мы оказались на Лиговке в подвале, набитом людьми в шинелях без знаков различия.

Председательствовал серый френч без шеи с седыми усами. Погон на нем не было, но как-то самой собой угадывалось, что он полковник. Офицеры и некоторые штатские – всего с полсотни человек – часто перебивали председателя и выступали с мест. Речь на этом тайном собрании шла ни много ни мало об освобождении Императора и Семьи из заключения в Тобольске.

Полковник начал сразу с предложения создать кассу для сбора средств на подготовку операции. Несколько голосов тут же возразили, что, пока нет организации, не выбрано руководство и нет никакого внятного плана действий, говорить о сборе средств просто странно. К тому же как предполагается эти средства собирать? Ходить по улицам с кружкой, пока не загребнут чекисты? Грабить банки, национализированные большевиками? Все кричали и перебивали друг друга.

Бреннер в прениях не участвовал, только зыркал вокруг глазами и прошипел мне в бешенстве: если бы он знал, что это будет за балаган, то ни за что не пришел бы. Действительно, это больше походило на заседание клуба охотников, чем на совещание тайной организации.

Еще присутствовали три барышни. Одна, в солдатской шинели и фуражке, мордатая, – явно бывшая унтер-офицерша из женского штурмового батальона. Вторая – курсистка, о которой больше и сказать нечего. И третья – с рыжими волнистыми волосами, собранными в пучок под зеленой шляпкой. Сначала я видел только волосы и длинную шею, потому что она сидела впереди. Лицо увидел, только когда она вышла к председателю и повернулась к собранию, – худое, острое, с длинным подбородком. Глаза коричневые. Тонкая, плоская, высокая. И веснушки, конечно. И голос звонкий:

– Господа офицеры!

По рядам пробежал смешок.

– Вы из женского батальона, мадемуазель?

Все засмеялись. Повеяло казармой.

– Это еще что такое? – пробормотал Бреннер, поморщившись.

Рыжая не смутилась.

– Господа! Мне кажется или я в самом деле на заседании дамского филантропического общества? Нет! Это бабья сходка в базарный день!

Офицеры забубнили, задвигались. Рыжая продолжала, повысив голос до крика:

– Где ваша воля, организованность, здравый смысл наконец?! Государь и Августейшая Семья уже год в плену, в рабстве, а вы?! Вы только треплете языками. Вы, господин полковник, кто такой? Вы ни на что не годны! Есть здесь хоть кто-нибудь, способный к реальному действию?!

Конечно, за время двух революций все уже как-то попривыкли и к дамам в военной форме, и к стриженным революционеркам на трибунах, но все же такого никто не ожидал. Бедный френч вытаращил глаза.

– Кто-нибудь ездил в Тобольск? Пытался связаться с Государем?

Рыжая обвела присутствующих пламенеющим взглядом. Никто ей не ответил.

– А вы, полковник? Что лично вы сделали для освобождения Его Величества?

– Позвольте ... – начал полковник.

– Ничего вы не сделали! Только собрания собираете!

Я услышал рядом, как Бреннер довольно внятно процедил сквозь зубы:

– Это что за пламенная институтка?

Рыжая тут же нацелилась на него:

– Вы что-то сказали?

– Мадемуазель, что вы несете? – сказал Бреннер громко и отчетливо. – Вы в самом деле ожидаете, что кто-то встанет и скажет «Да, я ездил в Тобольск, да, я связался с Государем»? Вам, кажется, неизвестно, что за такие действия теперь ставят к стенке.

Собрание загомонило одобрительно.

– Мне это известно! Но я полагала ...

Бреннер перебил:

– Так вы провокатор?

– Я? Да как вы смеете?

– Но это же ясно. Кто еще может публично задавать такие вопросы?

– Я спрашиваю вас, чтобы разбудить! Побудить к действию! И заявляю, что готова оказать самое живейшее содействие, в том числе и финансовое, тем, кто хочет дело делать, а не митинговать по подвалам!

– А я утверждаю, что вы провокатор, – гнул свое Бреннер. – Кто может поручиться, что среди нас нет шпиона? А может, и вы сами в ЧК служите?

– А может, вы?

– Может, и я, – ничуть не смутился Бреннер. – Об этом и речь. Мы тут пришли с улицы, не зная друг друга, заговорщики хреновы! Это явная провокация с целью выявить монархистов. Предлагаю всем немедленно разойтись.

Он встал. Я тоже. Раздались одобрительные возгласы. И тут же кто-то скатился в подвал с улицы с криком «ЧК! Облава!»

Бежали, петляли по переулкам ... Сзади хлопали выстрелы.

Где-то в проходном дворе Бреннер схватил меня за плечо и толкнул в темноту. Вслед за нами в подвал ввалились еще двое участников собрания. Затаились. Кто-то зажег спичку – пустое брошенное помещение. Собрали листы бумаги с пыльного пола, скрутили из них подо-

бие свечей. Вот тут в трепетном гаснущем свете я и увидел двух офицеров рядом с Бреннером. Это были Лиховский и Каракоев. Огонек горящей газеты будто отбрасывал на их лица отсвет будущих пожаров, через которые нам предстояло пройти вместе. Так совершенно случайно сошлись мушкетеры, как нас потом назовут наши Принцессы.

Мы сразу же доложили друг другу, кто откуда и где служил: ротмистр Каракоев – кавалерист из Девятого драгунского Казанского полка, поручик Лиховский – авиатор Седьмого авиационного отряда. Когда услышали, что я тоже воевал в Галиции в Отдельном батальоне, сформированном из моряков, удивились.

– Это что – моряки в пехоте? – улыбнулся Лиховский.

– Соседи по окопам нас так и называли в шутку – морская пехота.

Мы оказались в том подвале, потому что душой болели за Романовых, и вскоре разговор естественным образом перешел на Государя, Государыню и Великих Княжон. И тут Лиховский первым рассказал свою историю.

– Вы счастливчик, поручик, – сказал Каракоев.

Ротмистру Каракоеву повезло меньше.

– А я только раз видел Государя и Марию Николавну. Она была шефом нашего полка и приезжала к нам на смотр. – Каракоев мечтательно покачал головой. – Проскакала вдоль строя на белом коне в нашей парадной форме. Чистый ангел. На приеме мне так и не удалось словом с ней перемолвиться, но я потерял голову навсегда.

– В каком году это было? – спросил я.

– В тринадцатом ...

– Марии Николавне было тогда четырнадцать лет.

– Четырнадцать? – удивился Каракоев. – А выглядела вполне ...

Он смутился, но тут же заспорил горячо:

– Ну, четырнадцать! Но это же образ, господи! Я влюбился в образ, платонически!

Помолчали.

– А я люблю Ольгу Николавну. – сказал Бреннер бесстрастно и отчаянно в то же время.

Глядя на его аскетичный профиль, никто не мог бы предположить в нем такой откровенности. Но он сказал – «люблю».

– Я видел ее всего несколько раз издалека, – продолжил Бреннер. – Был в отпуске в Царском Селе. Она подъехала к госпиталю и вышла из автомобиля вместе с Государыней и Татьяной Николавной. Я просто проходил мимо и увидел ее ...

Он помолчал.

– У меня было десять дней отпуска, и я каждый день приходил к ограде госпиталя в тот же утренний час, ждал. Видел Ольгу Николавну четыре раза.

Бреннер посмотрел на меня.

– А вы, мичман? Вы ведь видели их близко долгое время. Расскажите о них. – И он пояснил остальным: – Мичман служил юнгой на Императорской яхте «Штандарт».

– Ого! – улыбнулся Лиховский. – Так вы плавали под парусами с Принцессами.

Все с любопытством смотрели на меня.

– Нет. То есть – да, ходил на яхте, но не под парусом. «Штаднарт» – современный быстроходный корабль. Крейсерская яхта, лучшая в мире. Два котла общей мощностью двенадцать тысяч лошадиных сил. Длина корпуса сто тридцать два метра. Максимальный ход – двадцать два узла. Восемь орудий. Команда – триста семьдесят человек ...

Они смотрели на меня и улыбались.

– Да вы о Царевнах расскажите, – прервал меня Лиховский добродушно.

– Можно сказать, я рос с ними ... Шесть лет ходил на Царской яхте – почти все мое детство.

Новые приятели смотрели на меня как на сказочника.

– Ну что ж вы, мичман, расскажите что-нибудь, – сказал Каракоев.

Рассказывать не очень хотелось, но в то же время – они тут со своими историями, а я промолчу?

– В первый же день я подрался с Марией Николавной.

Это произвело впечатление.

– Мы столкнулись с ней в узком проходе, и никто не хотел уступить дорогу. Толкались, толкались ... А тут отец ее мимо проходил, говорит: «Да дай ты ей как следует. Тоже мне – моряк». Ну, я толкнул Машу изо всей силы, она упала, но ничего, не заплакала. Мне было десять, а ей девять.

– То есть Государь сказал вам «толкни ее»? – уточнил Лиховский.

– Ну да. А однажды мы с Настей забрались в спасательную шлюпку. Знаете, они висят у борта, укрыты брезентовыми тентами. Мы забрались под тент. Лежали там на дне шлюпки вдвоем ... Я держал ее за руку ...

Мне стало неловко, и я замолчал, но глупое мальчишеское желание утереть нос всем, особенно Лиховскому, пересилило.

– Обнимались. Она положила мне голову на плечо ...

– Ну, уж это вы сочиняете, мичман, – сказал Каракоев.

– Клянусь! Но это было детское. Мне было пятнадцать, а ей – двенадцать.

– Пятнадцать? Ну не такое уж детство, должен вам заметить, – усмехнулся Лиховский. – Значит, ваша Принцесса – Анастасия? Как странно – у каждого из нас своя избранница.

Меня это задело: с чего это он взялся решать, кто моя избранница.

– А с Татьяной мы ходили на веслах, высаживались на островах, – сказал я.

– Только вы и она?

– Только я и она. Государь и доктор Боткин ходили в это время на байдарке, а мы с Татьяной в шлюпке прошли на остров, разожгли костер. Сидели у огня часа два, пока Государь не стал махать нам рукой с другого берега ...

– Государь махал вам рукой? – усомнился Каракоев.

– Да. У него есть руки. Мы вчетвером сошли на берег в шхерах – Государь, Татьяна, доктор Боткин и я ...

Я помолчал, справляясь с голосом, который грозил выдать навернувшиеся слезы. Позабывшая жизнь, забытое, невозвратимое счастье.

– Они всегда держались вместе, сестры ... Разные и в то же время неразделимые, – сказал я, пряча мокрые глаза. – Они даже письма и записки подписывали одним общим именем ОТМА – Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия.

– Боже, боже ... Спаси их и сохрани, – сказал Каракоев.

Меня будто ударило что-то. Мы сидели в грязном подвале на руинах Империи и мечтали о Принцессах, являвшихся нам в прошлом, когда они были свободны и счастливы и мы были свободны и счастливы. И вот Принцессы в рабстве, а их рыцари прячутся по подвалам ...

– Убить ... – сказал я.

Не помню сейчас, сказал я это вслух или только подумал. И что-то сдвинулось во мне и вокруг меня. Не было больше подвала – было поле темное, черное и костры. И черные люди жгли что-то и рубили топорами ... Смерд горелого мяса душил, пламя костров кололо глаза, а внутри меня свивался упругий жгут, живая пружина из меня самого, и я чувствовал: когда она расправится, раскрутится в один миг – я взорвусь ...

– Что с вами? – Бреннер тормозил меня за плечо.

Я увидел перед собой изумленные лица новых приятелей.

После они рассказывали, что я смотрел в одну точку и не двигался секунд пять.

– Ничего, – сказал я и был в самом деле очень спокоен, потому что все понял. – Убить ... Я поеду в Тобольск и убью их всех, всех, кто держит в плену Государя ... И освобожу Августейшую Семью ...

– Я с вами, – сказал Лиховский без промедления.

– Это не просто, – сказал Бреннер.

– Убить просто, – сказал я.

– Убить просто – освободить сложнее, – сказал Бреннер. – Но я готов ...

Все посмотрели на Каракоева. Он лишь кивнул.

После я не раз задавался вопросом, почему мы, четверо, так безоговорочно и сразу доверились друг другу, едва познакомившись? И только в поезде, стоя у темного окна и слушая голоса Царевен, я понял: это их имена, произнесенные вслух, обнажили и соединили наши души в те минуты в том подвале.

14 мая 1937 года Москва

Кривошеин сидел на скамейке возле детской площадки. Усы, борода, очки, соломенная шляпа и заношенный серый пиджак с обвислыми карманами – перевоплотился он для встречи на конспиративной квартире и наблюдал за подъездом.

Бокий появился в назначенное время. Узнать его было нетрудно: черный кожаный плащ даже в первые жаркие дни и черная кожаная фуражка с красной звездочкой. Он так и ходил с тех легендарных двадцатых.

Бокий вошел в подъезд – и тут же во дворе возник мужичок, неприметный московский житель. Сел на скамейку по другую сторону от детской площадки, развернул газету ... Пришел с улицы в этот двор, чтобы газетку почитать? Ну-ну ... А в другом углу двора замаячил еще один неприметный гражданин. Неприметностью своей они прямо-таки бросались в глаза.

Кривошеин поднялся со скамейки, вышел со двора и вошел в подъезд соседнего дома.

Открыв дверь квартиры своим ключом, он тихо сказал на всякий случай:

– Это я.

Бокий сидел на стуле посреди пустой комнаты неподвижный и отрешенный, как обычно в последнее время. Он будто экономил силы, и это ощущалось в каждом движении, и даже в том, как редко он моргал. Однако в свои почти шестьдесят он вовсе не выглядел хилым пенсионером. Кривошеин подозревал, что вечный неопределенно-средний возраст начальнику спецотдела обеспечивают подшефные шаманы.

Бокий не пошевелился, а только перевел взгляд из точки в пространстве на Кривошеина, экономно расходуя энергию на поднятии век и движении глаз.

– Немцы готовят экспедицию в Тибет, – сказал он негромко.

– За вами следят, – сказал Кривошеин, – нужно уходить.

– Немцы будут в Тибете! Вы понимаете, что это значит? Они идут в Шамбалу! – Бокий даже повысил немного голос и приподнял левую бровь.

– Во дворе топтуны, – настаивал Кривошеин.

– Ничего. Они ходят за мной уже полгода. Приказа насчет меня еще не было. Они засекли вас?

– Нет, я прошел через соседний дом и крышу.

– Хорошо. Нам нужно торопиться. Немцы найдут Шамбалу раньше нас, а нам с ними воевать. Штурмбанфюрер СС Шеффер – начальник экспедиции.

– Откуда информация?

– Из нашего разведуправления.

– Так, может, нам пойти официальным путем? Если уж нашей разведке известно, что немцы идут в Тибет, то и нам можно выйти с предложением ...

Бокий прикрыл веки и экономно покачал головой:

– Бесполезно. Я пробовал.

Советское государство было уже не то. Оно уже не верило в тайны, а полагалось только на несокрушимую теорию и практику марксизма-сталинизма.

Сначала ушел Ильич, потом Феликс, потом Троцкий уехал. Куда-то сгнуло все яркое, стихийное, непостижимое, за что Бокий любил революцию. Кумач восстания выцвел и поблек, затертый серостью советской бюрократии. Немыслимо было идти к главному бюрократу с идеями о высших существах, о волшебной стране в горах Тибета. Товарищ Сталин верил лишь в железную поступь пятилеток.

– Надо торопиться. Мы должны найти Шамбалу раньше немцев. Найдем ведь? – Бокий всмотрелся в лицо Кривошеину.

– Найдем, – сказал Кривошеин со всей возможной убежденностью.

И подумал: «Может, пристрелить его прямо сейчас? Какой смысл играть с ним дальше, если он уже на краю? Он больше не нужен, а виновен не меньше всех прочих. Нет, если убить Бокия сейчас, то до Юровского уже не добраться».

Все это длинное мгновение Бокий неподвижно смотрел на Кривошеина из-под полуприкрытых век. «Может, сфинкс этот и мысли читает?» – подумал Кривошеин.

– Вот паспорта, – сказал Бокий.

Достал из внутреннего кармана два чистых советских паспорта и два швейцарских. Один на имя Герберта Монха, другой – на Элизу Корнбах.

– Женщина? – спросил Кривошеин, полистав паспорта.

– Какая разница? Филин переправит Элизу на Элиаса. Сколько ему понадобится времени?

– Четыре паспорта? Неделя, не меньше.

– Скажите ему – три дня ...

– Какие у нас имена?

– Придумайте сами.

– Какой у нас план?

– По новым советским паспортам едем поездом до Одессы. Там по швейцарским паспортам садимся на любой пароход до Стамбула. Потом морем в Индию, а оттуда уж ... Средства есть. – Бокий встал.

– Товарищ комиссар госбезопасности третьего ранга, разрешите допросить Юровского?

– Нет! Оставьте это! Вы разве не слышали, что я сказал? У нас другая задача!

– Пока будут делаться паспорта, я успею!

– Нет! Я запрещаю! Вы все провалите! Что вы устроили там с Медведкиным? Мне передали рапорт на вас!

– Он сознался! Он мог рассказать, что они сделали с Романовыми на самом деле! Я расколол бы его!

– Оставьте, говорю я вам! Это уже не имеет значения.

Кривошеин неподвижно смотрел на Бокия, вложив во взгляд всю решимость, на какую только был способен.

– Хорошо, – сказал Бокий, будто и не возражал только что. – Но не вздумайте вызывать Юровского официально. Поговорите приватно ...

– Разумеется.

Бокию приходилось считаться с единственным союзником. Их маленькая тайная ложа всего из двух посвященных. Неожиданно энергично Бокий протянул руку Кривошеину и сделал над собой усилие, чтобы рукопожатие вышло крепкое, дружеское, ведь они – товарищи по небывалому странствию, и кто знает, что им предстоит вынести вместе на пути в зазеркалье.

Бокий вышел. Кривошеин посмотрел в окно. Во дворе за Бокием увязались неприметные граждане. В эту квартиру возвращаться нельзя.

Из записок мичмана Анненкова

19 июля 1918 года

Из купе вышла Государыня. Я посмотрел на нее отстраненно, будто бы не зная, кто она, и увидел пожилую даму в старом платье, обитательницу богадельни, вышедшую из своей комнатухи за кипятком. Я тут же отвернулся и стал смотреть в окно, где в темноте бежали деревья: не хотел стеснять Ее Величество, но и не мог покинуть свой пост возле тамбура. Государыня сама обратилась ко мне:

– Мичман, вам тоже не спится?

Я повернулся к ней всем корпусом, как полагается.

– На посту, Ваше Величество!

– От кого вы нас охраняете?

– Моя задача не допустить посторонних лиц в вагон.

– Да-да ... посторонних ... Это мы посторонние. Везде посторонние.

Государыня подошла ко мне и встала рядом, глядя в окно. Там ничего не было, кроме наших призрачных отражений.

– Мичман, вы верите в наше спасение?

– Верю? Но ведь это уже случилось.

– Да. Случилось ... – она улыбнулась. – Вы нас спасли.

– Все что могу, Ваше Величество! Жизнь отдам ...

– Да, да ... Я вам благодарна, мы все вам так благодарны ...

Но думала она о другом.

– Куда же мы едем?

– Во Владивосток, Ваше Величество! – выпалил я и тут же сообразил, что это был риторический вопрос.

– Да-да, во Владивосток ... Куда же мы едем, господа, куда?

Государыня посмотрела на меня внимательно. Иногда на Корабле, болтая с барышнями Романовыми – с Анастасией в основном, – я попадался на глаза Государыне, и она была ко мне милостива, помнила даже мое имя, но никогда не смотрела на меня так, будто я что-то значу для нее. Да и что я мог значить тогда – один из трех сотен матросов команды?

– Где ваша семья? Родители?

– Я сирота, Ваше Величество.

– Бедный мальчик ... А когда вы служили на нашей яхте, у вас уже не было родителей?

– Не было. Но я всегда ... если позволите, Ваше Величество ...

Государыня смотрела внимательно, поощряя меня ласковостью взгляда.

– ... Я чувствовал себя на яхте как дома, как ... в семье.

Она улыбнулась.

– Как хорошо. Я помню вас ... А ваши товарищи ... Вы давно их знаете?

– Полгода.

– Как же составила ваша команда?

– Случайно. Мы встретились в Петрограде на собрании офицеров, желавших вашего освобождения.

– И такие были?

– Были, но ничего не делали.

– А вы решились! Как же вы решились на такое?

Я растерялся. Не описывать же буквально всю нашу эпопею ...

– О, если это ваш секрет ...

– Нет-нет, Ваше Величество, какие от вас могут быть секреты!

Но Государыня сменила тему:

- Капитан Бреннер – очень дельный, опытный, не правда ли?
- Совершеннейшая правда, Ваше Величество.
- Что ж ... И другие офицеры тоже боевые.
- Все воевали, Ваше Величество.
- Да-да, иначе и быть не могло. Хотите чаю?
- Премного благодарен! На посту нельзя.
- Даже чаю нельзя выпить?
- Нельзя ...
- Так вы заходите к нам, когда сменитесь ... утром ... к завтраку.
- Премного благодарен, Ваше Величество! Честь для меня!
- Оставьте, мой мальчик. Заходите попросту ...

Она пошла по коридору, и хотя я видел только ее спину, понял, что она сразу забыла обо мне. Оплывшая фигура, тяжелая поступь – опять подумал с болью: старуха. До войны на Корабле еще каких-то четыре года назад она выглядела совсем по-другому. Конечно, и тогда она уже была немолода, в постоянной тревоге о здоровье сына, и все же я видел истинную Императрицу – воплощение достоинства и горделивой кротости. Комиссарские застенки высосали из нее жизнь.

Государыня вошла в свое купе. Разговор с ней меня взбудоражил. Невероятная открытость и доверие Ее Величества окрылили. Хотелось немедленно что-то сделать для нее. Захватить этот чешский поезд и гнать его без остановок до самого Шанхая!

Из записок мичмана Анненкова

20 июля 1918 года

Чехи не обманули – по большей части им давали зеленый свет. Состав стучал, гремел, позвякивал – обещал домчать нас до Владивостока за пару-тройку дней.

После ночного дежурства я проснулся поздно. Лиховского в купе не было. Через приоткрытую дверь я услышал голоса четырех Принцесс. Они стояли прямо возле нашего купе, и я боялся шорохом или даже дыханием выдать свое присутствие за тонкой переборкой.

– Так вы договорились, кто чей? – сказала Татьяна.

– А это обязательно? – спросила Ольга.

– Это нужно для ясности, а то что же – будете кокетничать со всеми без разбору и передеретесь, – сказала Татьяна.

– Мне не о чем договариваться – Леонидик мой, это должно быть ясно, – сказала Анастасия.

– Почему это должно быть ясно? – возразила Татьяна насмешливо. – Разве вы уже помолвлены?

– Может быть! Он еще на яхте был мой, и вы все это прекрасно знаете.

– Никто на твоего Леонидика не покушается, – сказала Мария.

Разговор был легкий, шутейный – улыбчивыми голосами. Но когда барышни шутят об амурах друг дружки, это легко оборачивается обидой и склокой – вдруг полыхнет молния при ясном небе. Значит, я уже приписан к Анастасии, как корабль к порту. Что же дальше?

– Ну вот, Леонидика определили, – повторила мою мысль Мария. – Какой следующий фант?

– А что это ты, будто не участвуешь? – заметила Анастасия.

– Не участвую. Мне никто не нравится.

– Ну-ну, – сказала Татьяна. – Оставляешь за собой свободу выбора?

Конечно, это была игра, во всяком случае – до поры.

– Павлик мой! Только суньтесь! – Татьяна вовсе не играла.

Если бы только она сказала так обо мне! И хотя я уже был избран и приближен самой юной и горячей из Принцесс, и грех бы мне жаловаться, но все же – Татьяна ... Высокая и звонкая, как призывный звук горна на рассвете; точеный лик с благородными скулами; холодный и дерзкий взгляд серых глаз ... Рысь ... Сволочь Лиховский!

– Твой, твой, – успокоила Ольга. – Вылечила, выходила – забирай.

– А тебе – двое на выбор, – сказала Мария, – раз я не участвую.

– Я тоже не участвую, – сказала Ольга.

– А вот они, Каракоев и Бреннер, вас уже поделили, – сообщила Анастасия ехидно. – Что тебе, Оленька, не нравится в Александр Иваныче? Умен, красив, герой. Староват, правда ... Но и ты уже не молода – двадцать три! Ты лед, он пламень – идеальная пара.

Все рассмеялись, кроме Ольги.

– Перестань! – сказала Ольга сердито.

Вот – началось.

– Ну что ты, что! – заворковала Анастасия. – Александр Иваныч и правда очень мил. Если бы только он был бы хоть лет на пять помоложе, я бы поменялась с тобой. А хочешь, прямо сейчас поменяемся? Забирай Леонидика!

– Поди прочь, гадкий Швыбз! – Так в Семье дразнили шкодливую Настю.

– Ну Олюшка, будь ангелом! Не сердись.

– Ладно, ладно, отстань, – оборонялась Ольга.

Я был уязвлен – поменять меня на Бреннера! Вот Татьяна даже в шутку не подумала отказаться от своего Павлика.

– Бедный, бедный ротмистр Каракоев, – не унималась Настя. – У него такие усы! И голос бархатный. Чего же еще, Маш?

– Хватит мне его навешивать! С чего это вдруг?

– Да ведь так выпадает. Леонидик и Павлик мне и Тане – это уж определено. Александр Иванович – Оле, ведь он ни о ком другом и думать не может. Так вот и выпадает тебе ротмистр.

– Швыбз, уймись, – сказала Мария.

Неизвестно, чем бы все кончилось, но вдруг я услышал – и похолодел.

– Смотрите, дверь открыта, – прошептала Татьяна.

– Господи, они все слышали? – сказала Ольга.

Я быстро отвернулся к стене и укрылся одеялом. Они заспорили и совсем перешли на шепот, так что я уже ничего не мог разобрать. Потом замолчали и притиснулись к щели. Мне казалось, я чувствую затылком их дыхание.

– Здесь только Леонидик. Спит, – прошептала Настя.

– Или притворяется, – возразила Татьяна.

– Идите! Идите же! – шептала Анастасия.

– А ты?

– Я еще посмотрю на него, – сказала Настя.

Засмеялись шепотом, зашелестели, удаляясь. Дыхание одной осталось. Я спиной ощущал, что она смотрит на меня. Ушла ... Я уже хотел сесть, чтобы отдышаться, потому что сдерживал дыхание, будто ныряльщик на глубине, но тут снова услышал быстрые шаги. Опять она стояла за дверью и смотрела на меня. Которая? Вернулась Настя или ... И тут прохладная ладонь на моей шее. Сердце застучало, перекрывая стук колес ...

Мне удалось не вскрикнуть и не вздрогнуть.

Ладошка с шеи поднялась чуть выше, на затылок, взъерошила волосы и упорхнула.

– Леонидик, – услышал я тихий-тихий голос. – Леонидик ...

Вздохнула и исчезла. Не слышал ни шагов, ни шороха платья, но знал – ее больше нет. Я узнал голос. Это была Татьяна. Татьяна! В груди что-то теплилось и щекало ... Татьяна ... Что это? А как же Павел?

В эти несколько дней мы словно забыли, что едем через войну. То есть помнили, конечно, и соблюдали все меры предосторожности, и все же ... казалось, все опасности позади. Принцессы наши расцвели на свободе, светились улыбками, звенели голосами. Государь и Государыня тоже улыбались благостно в те редкие минуты, когда показывались из своего купе. Разумеется, им хотелось наконец уединения, недоступного в застенках Ипатьевского дома.

Мы резались с Принцессами в карты.

Невозможное счастье – сидеть с ними в тесноте всемером (один из нас всегда был на посту). Рассаживались каждый раз в другом порядке, и я оказывался то между Ольгой и Татьяной, то между Анастасией и Марией, то ... и далее – волнующее богатство вариантов. Можно было прижиматься плечами, локтями, невзначай соприкасаться пальцами, собирая карты; можно было даже почувствовать горячее бедро своим бедром! Их глаза, волосы – так близко! Заходил Алексей, ему, разумеется, давали место, и тогда, к общему удовольствию, в купе становилось еще теснее. Ехать бы и ехать в этом поезде на край света.

После игры мы выходили от Великих Княжон в изнеможении. Нужно было остыть, отдышаться. Товарищи мои сразу шли курить в тамбур, я же падал на диван в нашем купе, переживая вновь и вновь прикосновения, голоса Так ребенок перекатывает во рту леденец, поглаживая его языком.

...Она потрепала мне волосы. Татьяна. Я даже не мог себе представить эту картину – как она протягивает руку, дотрагивается до моего затылка. Нет, невозможно!

Но какова Анастасия Николаевна! Настька! Променять меня на Бреннера!

Я еще пребывал в блаженном оцепенении, когда в дверь постучали. Заглянул лакей Трупп.

– Прошу прощения, Государыня приглашает вас в свое купе.

– Благодарю. Я только умоюсь.

Меня пригласили на завтрак к Императорскому столу.

Государь читал газету – вчера Каракоев купил несколько местных на станции. Государыня заваривала чай. Трупп носил закуски из купе повара, где располагалась кухня с примусом и провизией. За столом, удлиненным с помощью широкой доски и покрытым ситцевым платком, сидели также Алексей Николаевич со своим кокер-спаниелем Джоом и доктор Боткин. Государыня улыбнулась, когда я вошел, и предложила сесть рядом с ней. Государь и Боткин приветливо кивнули.

– Последнее время мы завтракали все вместе там, в Ипатьевском доме, но здесь это невозможно, – сказала Государыня, словно оправдываясь. – Здесь все по своим купе.

– Леонид, вы на каком фронте воевали? – спросил Алексей.

– На Юго-Западном, Ваше Высочество. Отдельный пехотный батальон Гвардейского экипажа.

– Моряки в пехоте?

– Нас так и называли в шутку – морская пехота. Сначала Ковельская операция летом шестнадцатого года ...

Государь оторвался от газеты и посмотрел на меня.

– Ковельская? Июль шестнадцатого.

– Так точно, Ваше Величество! С пятнадцатого июля бои за деревню Щерино.

– Да, помню. Там наши гвардейцы храбро сражались, – сказал Государь. – Так вы после яхты в Отдельный батальон экипажа пошли?

– Так точно! Как только исполнилось восемнадцать, подал рапорт.

– Это операция в районе города Стоход? – спросил Царевич.

Удивительно мне было услышать это от Алексея. В шестнадцатом году ему было двенадцать лет. Как он может помнить бои местного значения, да и знать о них в таком возрасте?

– Я в то время был с папá в Ставке, помню эту операцию, – пояснил Алексей, гордый своей осведомленностью.

– Жарко было? – спросил Государь.

– Жарко, Ваше Величество. Несколько раз мы с немцами отбивали друг у друга окопы ... в штыки ...

– Награждены? – спросил Государь.

– Георгий второй степени. Не ношу, чтобы не привлекать внимания.

Я расстегнул нагрудный карман гимнастерки, достал Георгиевский крест и положил на столик. Все посмотрели на него. Государь кивнул удовлетворенно. Я положил Георгия обратно в карман. Алексей смотрел на меня с восхищением.

– Расскажите, как это – идти в штыки?

Я взглянул на Государыню.

– Милый, мичману может быть тяжело вспоминать войну, – сказала она.

– Разве мы сейчас не на войне? – сказал Алексей.

– Да, мой мальчик, кругом война, но мы, слава Богу, вместе и под защитой. Давай будем думать о хорошем, – улыбнулась Государыня ласково. – Вы кушайте, мичман, кушайте, – обратилась она ко мне.

– Благодарю.

Государь отложил газету и принялся за пшеничную кашу.

– Вы бывали в Сибири, мичман?

– Никак нет, Ваше Величество!

– А мне вот довелось, еще в прошлом веке. Еще и Транссиба не было.

– Транссиб построен под высочайшим руководством и покровительством Вашего Величества!

Зачем я это сказал?

– Благодарю, я помню, – улыбнулся Государь.

Доктор Боткин усмехнулся. Я почувствовал себя дураком и принялся за кашу, стараясь не торопиться, – очень хотелось есть. Вообще, я заметил некоторую пренебрежительность доктора по отношению к нам, офицерам. За все время побега он сказал нам всего несколько слов, без которых уж никак невозможно было обойтись. Я относил это на счет превратностей и волнений пути, утомительных для его возраста, хотя он был немногим старше Государя, чувствовавшего себя не в пример бодрее. Приходилось признать, невзлюбил нашу четверку лейб-медик почему-то.

– Уж не думал, что второй раз придется побывать в Сибири, – сказал Государь.

– Леонид, вы намерены проводить нас до самого Владивостока? – спросила Государыня.

– Куда прикажете! Хоть на край света, Ваше Величество!

– Как хорошо! А как настроены ваши товарищи?

– Так же, разумеется. Мы все в полном распоряжении Вашего Величества и Его Величества Государя ...

– Это благородно! Я надеюсь на вас ... на всех наших защитников, но в особенности на вас, мичман.

Государь доел кашу и снова взялся за газету в ожидании чая. Я посмотрел на Государыню, встретился с ее взглядом и отвернулся.

– Вы ведь не оставите нас?

– Я?

Признаться, я растерялся. Что ж это – Государыня надеется на меня одного? Почему на меня? Она не сводила с меня глаз, и Алексей тоже простодушно меня разглядывал, почесывая за ухом свою собаку.

– Я ... Ваше Величество, как можно! Я с Вашими Величествами до последнего моего вздоха!

– Благодарю вас, Леонид, – сказала Государыня просто, но с такой сердечной теплотой ... – Как хорошо, что именно вы оказались нашим спасителем.

– Не я один ...

– О да, разумеется! Я имею в виду, хорошо, что мы вас знаем так давно и вы оказались среди наших спасителей. Георгиевский кавалер ... Вы всегда желанный гость в нашей семье. Рассказывайте о любых возникающих обстоятельствах. Знаете, в пути всякое может случиться ...

– Все что могу, Ваше Величество!

– В любую минуту обращайтесь прямо ко мне. Всегда рада поговорить с вами.

– Честь для меня, Ваше Величество!

Государыня снова улыбнулась мне. Доктор Боткин пил чай, рассеянно глядя в окно. Алексей медленно водил пальцем по столу. Государь прочел вслух из газеты:

– Томская городская управа сообщает: «В зале дворянского собрания состоится благотворительный бал, все средства от которого пойдут на медикаменты и обмундирование нашим воинам-добровольцам». Господи, что они делают?

Я понял, что пора откланяться.

– Ваше Величество, благодарю, – сказал я Государыне, вставая, и обратился к Государю: – Ваше Величество, разрешите идти?

Государь поднял глаза от газеты и кивнул:

– Вы заходите к нам, мичман, не забывайте.

Я вышел.

Что это значит? Государыня говорила со мной так откровенно, да еще при свидетелях! Хотела что-то понять обо мне, о нас четверых? Хотела показать мне, что облакает меня особенным доверием? Прощупывала мою лояльность, готовность служить ей? Ну даже если и так? В ее положении не лишне убедиться в преданности людей, которым она доверила свою судьбу и жизнь своих детей.

В другом конце коридора я увидел мою тройку. Бреннер и Каракоев явно только что проснулись. Лиховский стоял на посту. Все трое смотрели на меня.

– Доброе утро, мичман, – сказал Бреннер. – Как Их Величества?

– Завтракают.

– А вы? Позавтракали?

– Так точно, господин капитан, – отчеканил я.

Бреннера явно задело мое единоличное присутствие на Императорском завтраке. Лиховский улыбался иронически, Каракоев с подозрением топорщил усы.

– Государь вас вызвал для доклада? – спросил он.

– Нет. Меня пригласила Государыня.

– Для беседы? – спросил Бреннер.

– Для завтрака.

Я видел, что у каждого из них вертятся на языке вопросы. А что же там было? Почему именно я и о чем говорили? Но они не спросили, а я не стал ничего объяснять, хотя секретов у меня от них не было. Пока.

– Пожалуй, вздремну еще до дежурства.

– Отдыхайте, мичман, – сказал Бреннер, будто я спросил у него разрешения.

Я подумал: «Не успели мы наладить мирный быт нашего Императорского Двора в изгнании, как вот уже явились придворные интриги. Вероятно, вблизи монарших особ по-другому не бывает».

17 мая 1937 года Москва

На ней был легкий ситцевый сарафан в мелкий цветочек, приталенный тонким пояском, и все та же соломенная шляпка с серой лентой. Кривошеин подкараулил Нину на пути к дому и пошел следом.

Бокий пропал. Второй день он не появлялся на службе, и никто из подчиненных не имел понятия, где он. Убит или арестован? И Кривошеин решил, что ждать больше нечего, пора браться за Нину.

Когда она вошла в подъезд, Кривошеин подождал пару минут и вошел следом. Консьержка уставилась – Кривошеин ответил ей взглядом твердым и тяжелым, и она отвернулась.

На третьем этаже Кривошеин нажал кнопку звонка. Высокие монументальные двери выжились над ним, как портал храма. Нина открыла, не спросив. Посмотрела на Кривошеина с недоумением. Он был в усах и бороде, в соломенной шляпе и очках.

– Вы к кому?

Он втолкнул ее в квартиру и закрыл за собой дверь.

– В чем дело?! Кто вы?!

– Это я. Вы не берете трубку.

Узнала.

– Опять вы! Что за маскарад?

Кривошеин прошел в квартиру.

– Тише. Могут слышать.

– Да! Я буду кричать!

– Я пришел за вами.

– Уходите!

– Да послушайте ...

– Пришли получить свое?

Из прихожей Кривошеин увидел на комодe фотографию Петра Шагаева, отца Нины. Прошел к портрету через всю просторную гостиную. Нина за ним.

– Куда вы идете? Это обыск?

Кривошеин смотрел на фотографию в рамке. Шагаев был в красноармейской шинели, буденовке, при шашке и маузере. Стоял на фоне нарисованного задника с небом и морем. Снимок сделан еще в Гражданскую, почти двадцать лет назад.

– Вам что-нибудь сообщили о брате? – спросил Кривошеин.

– Сказали, что ему дали десять лет без права переписки. Но он жив. Зачем вы мне врал? Вот так вот нагло хотели воспользоваться мной? Вы просто скотина.

– Вам нужно исчезнуть. Вас тоже арестуют.

– За что?

– А за что – брата и отца?

– Ни за что! Они ни в чем не виноваты!

Кривошеин смотрел на Нину, давая возможность самой сделать выводы.

– Но почему? Какой в этом смысл?

– Муж ушел от вас. Возможно, это его спасет, но не факт. И вам осталось гулять на свободе недели, а может, и дни.

– Вы провокатор? Я буду жаловаться!

– Донос на меня напишете? – усмехнулся Кривошеин.

Она бессильно помотала головой.

– Через пару дней я сделаю вам новые документы.

Нина помолчала, соображая.

– И вы это можете на самом деле?

– Могу. Вы говорите по-немецки?

– Учила в университете.

– Хорошо. Паспорт швейцарский.

– Почему вы хотите сделать это для меня?

– Вы все равно не поверите.

– Неужели ради того, чтобы переспать со мной?

Не получив ответа, Нина заговорила торопливо:

– Если вы все можете, спасите брата! Вытащите его! Сделайте ему новые документы! А я буду спать с вами ... хоть всю жизнь, пока не стану старухой.

Кривошеин покачал головой:

– Ваш брат мертв. Я могу спасти вас.

Нина брезгливо скривила губы, будто Кривошеин плюнул на ковер.

– Меня не от чего спасать!

Кривошеин другой реакции и не ждал: советская принцесса. Идейная. Ее вера неколебима – даже при том, что отец и брат мертвы.

– Ну что ж, если вам так удобнее ... – Кривошеин достал из внутреннего кармана пиджака удостоверение. – Гражданка Шагаева, пройдемте.

– Что?

– Я капитан госбезопасности. Вы арестованы. Собирайтесь. Вы же приготовили чемоданчик на случай ареста?

Нина медлила.

– Гражданка Шагаева, не заставляйте меня применить силу.

Нина пошла, опрокинула стул и скрылась в глубине просторной квартиры.

Кривошеин сел в кресло. Разглядывал фотографии на стенах. Вот комдив Шагаев со взрослыми детьми: дочь Нина и старший сын Андрей в белом, с теннисными ракетками в руках. И сам комдив тоже в белом. Если не знать, что это советские люди, можно принять их за английских, французских или каких угодно аристократов ... Кривошеин перевел взгляд на соседнюю фотографию Шагаева в буденовке. Стрелял и рубил русских аристократов, чтобы занять их место? Нет, конечно. Тогда это ему и в голову не могло прийти, но со временем все как-то само собой пришло именно к этому – правда, не в том старорежимном виде. А что это за строение позади теннисистов? Высокие окна, мраморные колонны, пальма – советский санаторий на юге. И Кривошеин узнал эти окна и колонны – Ливадия! Царский дворец! Ну да, после революции его отдали под дом отдыха ...

Что-то ее долго нет. Телефон здесь, в гостиной, но, может, в спальне второй аппарат? Или припрятан отцовский револьвер? На всякий случай Кривошеин встал и занял позицию в дверном проеме прихожей.

– Нина! Не делайте глупостей!

Нина вышла в сером закрытом платье с тем самым светлым плащом на сгибе локтя и с небольшим чемоданом. Револьвера, конечно, не было никакого. Глаза заплаканные, но Кривошеин сдержался:

– Значит, все-таки приготовили чемоданчик?

На площадке Нина заперла дверь и сделала шаг вниз по лестнице, но Кривошеин ее остановил:

– Наверх!

На чердачной двери висел замок. Нина испуганно наблюдала, как Кривошеин достал из кармана набор отмычек и, повозившись, открыл дверь.

– Кто вы такой? Я никуда с вами не пойду!

– Соппротивление при аресте? – Кривошеин крепко сжал ее локоть.

В пыльной полутьме чердака они дошли до слухового окна, Кривошеин вылез первым.

– Вы с ума сошли! Я туда не полезу!

Он выдернул ее на себя через слуховое окно – вокруг рыжими крышами распласталась Москва, – и они пошли на полусогнутых по жестяному скату. Железо грохотало под ногами на весь город.

Вышли на другую улицу из подъезда соседнего дома. Кривошеин нес чемодан, держал Нину под руку. Страх отпустил ее немного: если Кривошеин не изнасиловал и не убил ее на чердаке, то этого, по крайней мере, можно не бояться. И она снова стала задавать вопросы:

– Вы меня похитили?

– Поедем на моторе. Молчите. Таксисты из отрывочных замечаний понимают больше, чем можно предположить.

У тротуара стоял таксомотор.

Полчаса ехали через деревни и дачные поселки, пока Кривошеин не остановил шофера на лесной дороге. Отпустил мотор и повел Нину по тропинке в елки. Она опять заволновалась. Кривошеин остановился, прислушался и повернул обратно.

– Следы путаете?

– Именно. Если водителя будут допрашивать, он покажет направление, куда мы пошли.

Нина решила поддерживать разговор. Ей казалось, так безопаснее.

– Вашему начальству неизвестно о ваших авантюрах?

– Верно.

– Вы женаты?

– Нет.

– Один живете?

– Один.

– Так вы ... вы меня к себе ведете?

– Поживете у меня пока, – сказал Кривошеин невозмутимо, будто и не чувствуя ее страха.

Они вышли к домику на небольшом участке. За деревьями угадывались соседние дачи, проступавшие сквозь сосны лишь фрагментами.

– Это ваша дача?

– Моя.

– Вам на службе дали?

– Нет. К счастью для вас, на службе никто о ней не знает.

– Купили? Откуда у вас такие деньги?

Кривошеин пошел к дому с чемоданом. Нина с тоской огляделась по сторонам – закричать?

– Не советую, – сказал Кривошеин. – Вызовут милицию, и нас обоих арестуют. Как раз от этого я вас спасаю, поймите.

Старая деревянная дача в два этажа, запущенная и неудобная. Мебель затаилась по углам еще со времен царизма.

– Вы здесь нечасто бываете ... – заключила Нина.

– Нечасто. Работы много.

Кривошеин отодвинул вытертый ковер с середины просторной гостиной и открыл дощатый люк подпола. Лицо Нины некрасиво скривилось, она попятилась. Кривошеин стволом револьвера указал ей на темный квадрат в полу:

– Не бойтесь. Так будет лучше.

Часть вторая Татьяна

Из записок мичмана Анненкова

20 июля 1918 года

Татьяна вошла в тамбур и взялась за ручку двери, будто собиралась пройти дальше. Я испугался и схватил ее за локоть.

– Дальше нельзя!

Она улыбалась, и я поспешно отдернул руку. В застекленном окошке двери и так было видно, что это последний вагон и дальше только бесконечные рельсы.

– Я вижу ... У нас теперь все так: пара шагов от кровати – и дальше нельзя ...

Маленькая станция после Красноярска. Поезд не двигался уже часа два. Мы стояли у окна и смотрели на пустой перрон. Вдалеке виднелось убогое станционное здание, похожее на амбар. Куры рылись в траве у платформы.

Татьяна! Последний тамбур последнего вагона – она это знала. Неужели ко мне пришла?

На Корабле Великая Княжна Татьяна Николаевна едва достаивала насмешливым взглядом юнгу, бегавшего с ее младшей сестрой.

Моя детская фантазия: будто бы эта гордячка оказывалась не родной дочерью Царя, а приемной. Тайна открывалась внезапно, что лишало ее царственных привилегий, она становилась простой девушкой, и ей уже не нужно было выходить замуж непременно за принца. Я совершал подвиг ради нее и ... И вот фантазии сбылись самым невероятным образом: Государь отрекся от престола, новые власти распорядились именовать его гражданином Романовым. И Великая Княжна Татьяна Николаевна – теперь просто Таня Романова – стояла рядом со мной в тамбуре вагона. Неужели Российская империя погибла во исполнение моих мальчишеских грез? Тысячелетнее Царство вверглось в кровавый хаос, потому что я мечтал о Царевне! Господи прости, не этого я хотел.

Я помнил Татьяну девочкой, но и тогда уже она сияла царственно. Ее сияние не отменить постановлением какого-то совета каких-то депутатов.

– Трупп ужасно храпит за стенкой. А иногда они храпят на пару с Харитоновым. Я не могу заснуть. – Она улыбнулась.

– Это неприятно, должно быть.

– Ужасно. А вы? Вам удобно в купе?

– Еще бы! Первый раз еду в первом классе.

– В самом деле? А мы много ездили на поезде, на нашем ... Владивосток ... Вы там бывали?

– Не приходилось.

– Я теперь вижу столько новых мест! Сажу у окна и смотрю ... – Она говорила со мной как со старым другом. Волшебство. – Наверно, я их никогда бы не увидела, если бы не все это ... несчастье ...

– Да, вероятно.

– Вы стали таким бравым военным.

Я промолчал, не посетил меня ответ, достойный brave военного.

– Когда мы с вами виделись в последний раз? – Она сощурила рысьи глаза, всматриваясь в прошлое.

– 6 июня 1914 года в 15:30 на рейде Кронштадта, – сказал я.

– Как вы помните так точно?!

– Помню. Потому что вы тогда в последний раз покинули яхту и больше не вернулись.

– Ах да. Я тоже помню. Мы сошли на катер – и в Петергоф ... Никто не знал тогда, что больше мы нашей яхты не увидим. Так, значит, мы виделись в тот день?

– Вряд ли можно сказать, что мы виделись. Потому что вас я видел, а вы меня – нет. Я начищал поручни на верхней палубе, а вы спускались по трапу на катер в кремовом платье с широкими рукавами и круглой соломенной шляпке.

Все Сестры были в кремовых платьях и соломенных шляпах. Не было построения команды, стенаний оркестра, как при отбытии по окончании летнего сезона. Никто не сомневался, что через несколько дней Семья вернется и мы пойдем в финские шхеры ...

– Длинное лето четырнадцатого года. Тогда еще не воевали с Германией ... – почти прошептала Татьяна.

В тот день еще не воевали, но через несколько дней – война. С тех пор я повзрослел, рухнула Империя, а война все тянется. Доживу ли до победы? И чьей победы?

– Последний год на яхте я вас, кажется, и не видела.

– Вырос и стал невидимкой.

Татьяна все поглядывала на меня, будто укалывала булавкой. Я улыбнулся ей откровенно, дерзко.

– Счастлив снова служить Вашему Высочеству!

– И я рада ... – сказала она почти нежно.

Черт возьми! Да она смутилась! Задиристое высокомерие странным образом сочеталось в ней с застенчивостью. Это от матери. Татьяна более всех Сестер походила на Государыню. Что за чудо эта Принцесса!.. И то прикосновение – ее прохладная ладошка на моем затылке ...

Вдруг я увидел на тропе за насыпью бородастого мужика в черном кафтане. Он стоял против вагона и шарил глазами по окнам.

– Отойдите от окна, Ваше Высочество! – Это прозвучало довольно резко.

– Да разве можно меня здесь разглядеть?

Бородач уже прямо смотрел на наше окно.

– Ваше Высочество!

Татьяна отошла от окна, глянула насмешливо:

– Теперь вы мной повелеваете, юнга? Мечтали об этом?

Ушла в вагон. Я посмотрел в окно – никого ...

И тут же – вот он, мужик, перед вагоном, и пялится прямо на меня. И я вглядываюсь в него и знаю – он здесь неспроста.

– Эй! В чем дело? Проходи!

Спускаюсь по ступенькам на насыпь, иду, сдвигая перед собой упругую толщу горячего воздуха. Он следит за мной пустыми глазами, будто животное – олень или волк. И как животное, внезапно отворачивается и уходит по тропе вдоль насыпи среди кустов.

– Эй! Стой! Стой тебе говорят! – слышу я свой голос.

Я уже знаю, кто это, но это невозможно. Он останавливается и смотрит на меня. Я не могу вымолвить ни слова и вязну в расплавленном воздухе, как муха в жидком янтаре. Он делает шаг в сторону с тропы и исчезает среди деревьев ...

Тихий звон в голове. Я у вагона. Татьяна прогуливается со своим бульдогом Ортипо на поводке, будто по аллее Царскосельского парка. Черт!

– Ваше Высочество!

Бежал и видел: по перрону идет к ней тип в черном костюме и котелке; вглядывается, явно узнает.

Я схватил Ее Высочество под руку и буквально поволок в вагон.

– Что ... Что вы себе позволяете! – возмутилась она.

Отбросив всякий политес, я затащил ее в наш тамбур и закинул туда же бульдога.

– Это что такое! – Она вырвала свой локоть из моих рук.

Я невольно притиснул Татьяну к стене, отодвигая от окна. Ее лицо было близко – на расстоянии дыхания: серо-голубые глаза и бледная прохладная кожа – ее я, конечно, не касался и все же ощущал ...

Татьяна оттолкнула меня:

– Оставьте!

– Он смотрел на вас! Он узнал вас!

– Кто?

– Этот черный котелок.

– Не может быть! – Она потирала локоть после моей хватки. – Вы сделали мне больно!

– Прошу прощения, Ваше Высочество! – сказал я не слишком любезно.

Она зло сощурилась и ушла с собакой в вагон. Я выглянул из открытого окна. Черный котелок уходил вдоль состава. Остановившись у третьего от нас вагона, он оглянулся. Я отпрянул – наверняка он заметил это.

Я немедленно доложил о Котелке Бреннеру. О мужике у насыпи почему-то умолчал. Бреннер сжал губы, несколькими точными движениями собрал маузер, который чистил, поставил обойму, взвел и вышел из купе. Я – следом.

21 июля 1918 года Станция Злобино

Когда Бреннер и Анненков вышли в коридор, Николай стоял у окна. Из купе лакей Трупп вывел Алексея. И тут же поблизости замаячил Котелок. Остановился против окна, в котором, как на парадном портрете, застыли царь и царевич, мгновенно оценил картину за стеклом и исчез. Бреннер, вышедший на перрон с маузером под гимнастеркой за брючным поясом, увидел его уже у третьего вагона, где толпились legionеры.

Котелок оглянулся на Бреннера, будто ждал его. Бреннер подошел не торопясь и бросил как бы между прочим:

- Черт знает что на дороге творится.
- Вы совершенно правы, – ответил Котелок вежливо.
- Этак мы до Владивостока за неделю не доедем.
- Что ж, я вам не завидую. Я вот в Иркутске освобожусь уже от этой паровозной пытки. –

Котелок коснулся пальцами полей своего котелка: – Сви́рин, Петро́ Ильич. Ко́ммерсант.

- Климов, Константин Сергеевич. Личный секретарь.
- Секретарь? Чей, позвольте полюбопытствовать?
- Английского коммерсанта, что едет в том вагоне.
- Видать, важная персона ваш англичанин?
- Не столь важная, сколь состоятельная.
- Да уж, если он может оплатить чехам проезд в отдельном вагоне.
- Да ведь и вы, верно, не задаром у них едете.
- Еще бы! Эти чехи – чистые разбойники.
- И не говорите ...

Они обменялись откровенными изучающими взглядами, хотя каждый уже все для себя понял. Котелок покосился на двух legionеров с винтовками, скучавших возле тамбура, посмотрел на Бреннера уверенно, с наглостью, и сказал негромко:

- Познакомьте меня с вашим англичанином.
- Это невозможно! Сколько вы хотите?
- Я хочу говорить с англичанином, или он будет говорить с чехами!
- Чехи знают, кто он.
- Не думаю.
- Соглашайтесь на деньги.
- А есть у него столько, сколько он стоит?

Из записок мичмана Анненкова

21 июля 1918 года

Вернувшись в вагон, Бреннер сразу пошел к Государю и пробыл у него не более трех минут. Когда вышел, сказал в тамбуре нам троим:

– Государь повелел дать Котелку аванс, а основную часть заплатить в Иркутске.

Помолчали, но, кажется, все думали об одном: ничто не мешало Котелку в любую минуту выдать нас чехам или передать со станции телеграмму в Омск Сибирскому правительству. Результатом стал бы арест Государя и Семьи. Что мы могли сделать в этом случае? Обороняться? Устроить перестрелку в поезде? Безумие. Сойти с поезда – еще большее безумие. До Владивостока три тысячи верст.

– Мичман, доложите, как Татьяна Николавна оказалась на перроне? – приказал Бреннер.

– Я только на минуту вышел из вагона. И не видел, что Татьяна Николавна прогуливает собаку ...

– По какой же, черт возьми, причине вы оставили пост?

– Я ... увидел у насыпи человека ... Это был Распутин.

На меня посмотрели так, будто я прокукарекал или закричал ослом.

– Анненков, вы в своем уме? – сказал Бреннер вкрадчиво. – Распутин уже два года как в могиле.

– Так точно! Но он был так похож ... Мне показалось – это он.

– Показалось?! И что же вы собирались сделать? Еще раз убить его?

Друзья смотрели на меня как на безумца.

– Виноват ...

Бреннер покачал головой:

– Виноват ... Вы хоть понимаете, какие могут быть последствия вашего ротозейства?

Конечно, я понимал, хотя в тот момент еще не до конца. Если бы я мог тогда предвидеть все последствия, то, наверно, застрелился бы ...

– Котелок идет с вокзала! – доложил Лиховский, наблюдавший за перроном через открытую дверь тамбура.

– Там телеграф, черт! – сказал Бреннер.

Мы видели из тамбура, как бросились легионеры к дрогнувшему составу и как Котелок вскочил на подножку третьего от нас вагона. Отправил ли он телеграмму? Как мне пережить, если отправил? Удастся ли нам всем пережить это? Снова и снова пытался я вызвать в памяти видение у насыпи, заставившее меня оставить пост, но не мог различить черты того странного лица. Что это было? Как я мог всерьез принять какого-то бородатого мужика за Распутина?..

22 июля 1918 года Транссиб

Анненков сидел напротив Котелка рядом с Бреннером. На столике висилась бутылка французского коньяка, купленная у чехов за бешеные деньги.

– Редкая роскошь в наше время, – сказал Котелок. – Хотя, признаться, и в прежние времена я такого нектара не пробовал.

Он, разумеется, сидел без котелка в своем купе почтово-товарного вагона. Его широкое лицо лоснилось, как масленичный блин, а два маленьких глаза поблескивали черными икринками. Где-то за ящиками и мешками смеялись и говорили по-чешски.

– Вот, как обещал, – сказал Бреннер и положил на стол рядом с бутылкой золотой кулончик, обсыпанный мелкими камушками с небольшим рубином в центре. В глазках Котелка камушки отразились и заискрились, но он не притронулся к кулону.

– И какие же условия?

– Вы должны сохранить в тайне то, что видели в нашем вагоне. Вы ведь никому еще не сообщили?

– Никому.

– А чехам?

– Нет. Иначе бы вы тут не сидели.

– Это верно. А кому-нибудь еще?

– Как? Мы с вами в поезде.

– Ну, можно было телеграмму отправить со станции.

– Помилуйте, на той станции и телеграфа-то нет, наверно. Я хотел в буфет зайти, да и его там не было.

Бреннер кивнул невозмутимо и протянул Котелку золотой кулон с небольшим рубином.

– Это аванс. В Иркутске, когда выходить будете, еще такой же получите, – сказал Бреннер.

Котелок улыбнулся и взял вещьцу в руки. Ощупал толстыми пальцами камушки. Налил себе коньяку, предложил офицерам, но те отказались. Котелок выпил и решил, что можно уже говорить прямо.

– А кто же носил эту красоту? Неужто государыня?

– Вы хотели сказать – англичанка, – поправил Бреннер.

– Оставьте, капитан! Чей кулончик? Государыни или кого из великих княжон?

– Это мне неизвестно, – сухо сказал Бреннер.

Котелок полюбовался кулоном. Посмотрел рубин на просвет, на лампу. Достал платок, завернул в него вещьцу и спрятал во внутренний карман пиджака. Глянул на офицеров весело, с пьяной нежностью, как на старых добрых друзей.

– Я, знаете ли, до всего этого в охранном отделении служил.

– Была у меня такая мысль, – сказал Бреннер.

– Приходилось мне стоять в охране на разных выходах их величеств. Перво-наперво на коронации, да-с. Я тогда только начинал. Стоял в толпе, в штатском, наблюдал, значит, чтобы кто дурного не замыслил. А государыня – красота-то неземная. Помню, тогда проследился даже, когда их величества мимо проходили, молодые, красивые. Стоял и плакал в толпе, как дурак. Вас, мичман, тогда, поди, еще и на свете не было. А потом мы узнали, что там было на Ходынском поле, сколько народу подавилось, сколько народу ...

Он выпил из кружки.

– И на трехсотлетие династии в Кремле стоял на выходе их величеств из Успенского собора. Тоже в цивильном платье. Я был по обеспечению их безопасности. Совсем близко видел и государя, и государыню, и княжон. И потом еще приходилось ... А сегодня вышел

подышать на перрон, смотрю, барышня с собачкой. Знакомая барышня! А надо вам сказать, что я великих княжон видел довольно часто с самого их младенчества и до последних лет. А уж на Татьяну-то Николавну смотреть всегда было наслаждением. А когда они в пору вошли – так это просто праздник был стоять в охране и видеть ее высочество! – Котелок даже причмокнул непроизвольно.

– Вы губами-то шлепать воздержитесь, – сказал Анненков чрезвычайно нелюбезно.

– Грубо, молодой человек.

Котелок попробовал осадить наглеца холодным взглядом, но, глянув на Анненкова, тотчас отвернулся.

– Да я только хотел сказать, что узнал ее сразу. Смотрю – глазам не верю! Татьяна Николавна. Но как? И тут вы, мичман, хватаете ее под ручку – и в вагон. Точно она, думаю. Эх!

Он покраснелся, расчувствовался ...

Поезд замедлил ход.

– Будет стоянка? – спросил Бреннер.

– Станция Тайшет должна быть. Послушайте, господа, представьте меня. Мне же ничего не надо, только руку пожать государю. И государыне ручку поцеловать. А? – Котелок глянул на Бреннера совсем как ребенок, что просится в цирк.

– Пойдемте, – сказал Бреннер.

– Как? Это можно? – не поверил Котелок. – Час-то который?

– Да они в карты играют допоздна, – сказал Бреннер. – Идемте. У них теперь все попростому.

– В самом деле? Почту за честь!

Котелок вскочил, посмотрелся в настенное зеркало. Пригладил волосы, застегнул пиджак.

Первым шел Бреннер, за ним Котелок, Анненков замыкал. В тамбуре царского вагона Бреннер остановился и повернулся лицом к Котелку:

– Только, когда войдете в купе к государю, не говорите ему «ваше величество». Ничего такого. Просто по имени отчеству.

– Как же, я это понимаю, понимаю! – Котелок сиял в темноте. – Я это приветствую! Истинное, истинное величие!

– Дверь! – крикнул Бреннер.

Анненков оглянулся растерянно.

– Дверь! – снова рявкнул Бреннер.

– Чего? – сказал Котелок.

Он увидел маузер в руке Бреннера и отвел его в сторону. Выстрел. Пуля вошла в стенку в двух вершках от головы Анненкова. Это его разбудило, он выхватил револьвер. Котелок и Бреннер боролись за маузер, заданный к потолку. Анненков попытался включиться в борьбу, но Котелок пнул его, оттолкнул ...

– Стреляй! Стреляй, мать твою! – мычал Бреннер.

Анненков приставил ствол к боку Котелка и выстрел два раза. Котелок охнул, повис на Бреннере. Они обнимались. Бреннер шарил в карманах Котелка.

– Помоги! Держи его!

Анненков подхватил тело. В руках Бреннера сверкнул кулончик, извлеченный из кармана Котелка, хрипевшего страшно. Вбежали Лиховский и Каракоев с револьверами в руках.

– Дверь! – крикнул Бреннер.

Анненков распахнул дверь, и Бреннер оттолкнул от себя Котелка в бурлящую и гремящую тьму.

– Идиот! Какого черта вы ждали?! – заорал Бреннер Анненкову.

– Что тут? – спросил Каракоев.

Бреннер закрыл дверь, сказал отрывисто:

– Он хотел, чтобы мы его представили ...

И шагнул в царский вагон. Остальные следом, пряча револьверы под одеждой.

В вагоне все стояли вдоль окон и смотрели на вошедших – слышали выстрелы, несмотря на грохот идущего состава. Можно было только надеяться, что выстрелов не слышали чехи. Ближе всех к вошедшим – доктор Боткин и Алексей, за ними великие княжны по старшинству, державшие собак, потом Николай, Александра и, наконец, Трупп, Демидова и Харитонов. Строй встревоженных лиц.

– Что там? – спросил государь.

– Ваше величество! – громко, как на параде, отчеканил Бреннер. – Прибываем на станцию Тайшет. Как только остановимся, необходимо высадиться из последней двери на рельсы и уходить от состава по полотну.

– Капитан, подойдите ко мне, – приказал Николай.

– Нужно выходить, как только остановимся, ваше величество!

– Куда выходить? Вы с ума сошли! – Доктор Боткин вдруг проклюнулся из своего защитного кокона. – Вы понимаете, что там тайга! Мы там погибнем!

Поезд на тихом ходу втягивался на станцию Тайшет, но до нашего вагона явно не хватало перрона и света немногих электрических фонарей.

– Господин лейб-медик! – отчеканил Бреннер. – Этот филер отправил телеграмму со станции. Он доложил в Омск, что государь и семья в поезде. Ночью телеграмму не прочтут, я надеюсь, но утром нас будут ждать на каждой станции! Покинуть поезд сейчас – наш единственный шанс!

– Вы ранены? – спросил Трупп.

Тут все заметили пятна крови на гимнастерке Бреннера.

– Нет, – отрезал Бреннер.

Поезд остановился, вздрогнул судорожно и замер.

– Действуем по вашему плану, – негромко сказал Николай Бреннеру, но все услышали.

– Ники, ты уверен? – спросила Александра.

– Нужно идти, другого выхода нет.

– Быстро на выход через заднюю дверь! Лиховский и Каракоев, обеспечить высадку! Я и Анненков остаемся в тамбуре для прикрытия, – приказал Бреннер. – Не шуметь!

Харитонов открыл заднюю дверь вагона. Лиховский и Каракоев бросились помогать семье высаживаться и выносить вещи на шпалы.

– Догоним вас, как только состав тронется, – продолжал Бреннер. – Шагов через двести сворачивайте в лес и уходите как можно глубже! С Богом!

Бреннер и Анненков прошли в передний тамбур, открыли дверь. Далеко впереди два фонаря освещали маленький вокзал и пустую платформу. Ни один легионер не вышел на перрон.

Из записок мичмана Анненкова

22 июля 1918 года

– Зачем мы убили этого старого жандарма?

Я сказал «мы», не знаю почему. Передо мной двигалась и колыхалась спина Бреннера, а вокруг поднимались корабельные сосны и смыкались кронами в солнечной вышине. Я смотрел себе под ноги на тропу с мелькающими впереди сапогами Бреннера.

– Он был опасен, – сказал Бреннер. – Он соврал, что на станции нет телеграфа, а я видел телеграфные столбы и провода.

– Если он все равно уже телеграфировал, какой смысл его убивать?

– Одно дело – телеграмма с кратким текстом, другое – живой свидетель, видевший Государя. Телеграмме, может, еще и не поверят. Решат, что Котелок обознался, тем более что он исчез. Это спутает все карты. В лесу у насыпи его не скоро найдут. Мы должны были его убить. Вам понятно, мичман?

– Понятно, господин капитан, – сказал я, но, видимо, не слишком уверенно.

Бреннер остановился – я чуть не натолкнулся на него, – и, когда он развернулся ко мне, я увидел близко его бешеные глаза.

– Мне казалось, мичман, что мы с вами приняли определенную сторону, когда в том подвале поклялись освободить Государя и Семью. Мы приняли сторону Государя Императора, не так ли?

– Так точно!

– Вы понимаете, что это значит?

– Понимаю.

– Это как на войне, где мы с вами были. Там мы приняли сторону нашей родины, а значит, должны были убивать. Вы убивали немцев?

– Так точно! Но то были немцы. А этот – он всю жизнь служил Государю ...

– А после служил врагам Государя. При первой же возможности отступал телеграммку. Если вы приняли определенную сторону, держитесь ее и будьте в этом последовательны. Помните, в подвале вы поклялись, что убьете любого ради спасения Государя?

– Помню.

– Вы до сих пор на стороне Романовых или что-то изменилось?

– Конечно я на их стороне!

– Так оставьте это нытье – «Почему мы убили того, почему мы убили этого ...»! Что за пошлость – обсуждать в боевой обстановке свои душевные терзания? Это все равно что делиться интимными подробностями ваших визитов в сортир! Ваши рефлексии неуместны! Извольте исполнять свой долг!

Он резко отвернулся, и мы пошли дальше.

Не могу сказать, что я был во всем согласен с Бреннером. В конце концов, мы были не в окопах, где такие разговоры действительно должны пресекаться. Мы – добровольцы, товарищи. Что же, я не могу высказать свои сомнения?

Тут еще ко всему примешивалась досада от того, что я замешкался в тамбуре с Котелком. Когда Бреннер крикнул в первый раз «Дверь!», я растерялся. Это был условный сигнал. Мы договорились, что я должен открыть дверь, если что-то пойдет не так, и мы выкинем Котелка из поезда. На этот случай обе двери нашего тамбура мы оставили незапертыми. Я замешкался, потому что никак не ожидал сигнала. Я-то поверил, что Бреннер на самом деле решил представить Котелка Государю. И вдруг команда: «Дверь!» Бреннер чуть не погиб из-за меня ... Я ощутил всю нелепость своих рефлексий: не странно ли раскаиваться в убийстве и в то же время стыдиться, что был не слишком ловок, убивая?

...В вагоне после выстрелов все стояли и смотрели на нас. Это было как во сне, когда тыходишь в комнату, полную народу, желая скрыть какую-то тайну и надеясь остаться незамеченным, но все смотрят на тебя, потому что ты голый ... Заметив пятна крови на гимнастерке Бреннера, я посмотрел на свои руки. Они были в крови. Я засунул их в карманы штанов и кое-как там вытер ...

Когда Бреннер скомандовал на выход, я увидел, что через весь вагон Государыня смотрит на меня. Она будто ждала моего подтверждения! Я едва заметно кивнул и утвердительно прикрыл веки. Татьяна стояла за спиной матери, бледная, смотрела себе под ноги, и оттого, что глаза были прикрыты опущенными веками, казалась спящей. Мне захотелось подойти и обнять ее, сказать, что она ни в чем не виновата, но, конечно, я не мог этого сделать.

После высадки наших состав стоял еще с полчаса. Чехи не показывались. Когда состав тронулся, мы с Бреннером прыгнули с подножки вагона и скрылись в лесу.

– Как мы их найдем?

– Они идут в сторону максимального удаления от эшелона. Мы идем в ту же сторону. Женщины и Алексей замедляют их движение. Догоним. – Бреннера совсем не смущало, что мы где-то в тайге и они где-то в тайге, а тайга без конца и края.

– А если чехи уже обнаружили, что нас нет и нет Котелка?

– Возвращаться они не станут. Сбежали пассажиры – им даже проще: плату получили, а хлопот никаких. Пропал какой-то русский – да им плевать!

Тропа делала поворот, и вскоре мы заметили впереди какое-то движение. Среди стволов мелькали фигуры. Мы разглядели бредущих под руку Государя и Государыню. Она несла свой саквояж, а он – чемодан. За ними шли остальные, нагруженные узлами и сумками. Я рассмеялся невольно – от радости, конечно, но в то же время и от нелепости этой картины: Царь и Царица брели с чемоданами, как пара старых актеров, а за ними и вся «бродячая труппа» с пожитками.

Нас встретили с такой неподдельной радостью, будто мы вернулись в семью. Великие Княжны обнимали, Государыня перекрестила, Государь пожал нам руки. И доктор Боткин со слугами тоже радостно нас приветствовали. Обнялись мы и с нашими товарищами – Каракоевым и Лиховским. Собаки лаяли на весь лес. Кстати, когда ночью их выносили из вагона, ни одна не тявкнула.

Анастасия шепнула, сжимая мою руку:

– Я так боялась, что не увижу вас больше!

Если бы мы были одни, она поцеловала бы меня не по-дружески ...

Мы снова смогли вывести Семью из-под удара, но остались посреди Сибири без транспорта и крыши над головой.

Тут же, на полянке, пока остальные отдыхали на узлах, Государь, мы четверо и доктор Боткин совещались.

Бреннер доложил, что, сойдя на станции Тайшет, мы оказались примерно в пятистах верстах от Иркутска и озера Байкал. Мы не можем вернуться на магистраль и сесть в другой поезд. После телеграммы Котелка нас уже ищут по всему Транссибу. Поэтому нужно двигаться на восток, пока не достигнем Ангары в районе Братска. Там арендуем какое-нибудь судно и поднимемся на нем до Байкала, а дальше, после Иркутска и Верхне-Удинска, власть Сибирского правительства кончается. Там снова можно сесть на поезд и следовать во Владивосток.

– Сколько отсюда до Братска? – спросил Государь.

– Около трехсот верст, – сказал Бреннер.

– Триста верст по тайге без дорог?

– Дороги есть. Нужны лошади. Мы их добудем в деревне.

– Это безумие, – сказал Боткин. – Государыня и Алексей Николаевич слабы, им не по силам длинные переходы.

Государь на мгновение прикрыл глаза, будто от внезапной боли, но тут же взял себя в руки.

– Вы уверены, что на Ангаре мы сможем нанять судно?

– Я уверен, что по Ангаре ходят суда. И нас не будут искать на реке.

– Может, все-таки вернуться на Транссиб? – спросил Государь.

– Это единственное разумное решение, – сказал Боткин. – Нам нельзя было покидать поезд. – Он не смотрел на Бреннера и ни на кого из нас – только на Государя.

– Мы не могли оставаться в поезде после телеграммы Котелка, – сказал Бреннер.

– Или после того, как вы его убили? – Боткин по-прежнему не смотрел на Бреннера. – Это все из-за вашей преступной безалаберности, господа! Это по вашей милости мы теперь посреди тайги в центре Сибири, а не в вагоне первого класса.

– По нашей милости вы все еще живы, господин лейб-медик, – сказал Бреннер. – Если вам угодно, вы можете вернуться и сесть на поезд. В Иркутске вас встретят с распростертыми объятиями.

– Господа, господа ... – сказал Государь.

Я готов был провалиться сквозь землю. Никто не смотрел на меня, но я знал, что упреки Боткина адресованы прежде всего мне. Это я проморгал выход Татьяны из поезда, и вот мы здесь.

Подошла Государыня.

– Ники, о чем речь?

– Капитан предлагает купить лошадей и идти в Братск. Это на Ангаре. По реке и Байкалу мы дойдем до Верхне-Удинска и снова сядем на поезд.

Государыня обвела всех требовательным взглядом.

– Сколько же идти до Братска?

Государь посмотрел на Бреннера.

– Неделю – дней десять. Все зависит от лошадей и состояния дорог.

– Это невозможно, Ники, это невозможно, – сказала Государыня. – Бэби болен, да и здоровому десять дней верхом ...

– Мы добудем телеги, – сказал Бреннер.

– Нет, это невозможно, никак невозможно! – повторила Государыня.

Ее бледное лицо пошло красными пятнами, голос срывался.

– Ваше Величество, это единственный путь, – твердо сказал Бреннер. – Другой вариант – только арест с неизвестными последствиями.

– Решено, – сказал Государь. – Идем в Братск.

Он не смотрел на Государыню. А она посмотрела на меня. И я снова незаметно для остальных утвердительно прикрыл глаза. Государыня никак не показала, что приняла мой ответ. А был ли вопрос?

Бреннер объявил, что уходит с Каракоевым на разведку и за лошадьми. Перед тем отвел меня в сторону.

– Мичман, поручаю вам эту миссию. – Он достал из кармана злополучный кулон. – Верните Государю.

«Почему я?» – вертелось у меня на языке, но я промолчал и взял кулон. Авторитет Бреннера был тогда еще высок.

Бреннер и Каракоев ушли, а мы с Лиховским стали рубить деревца на шесты. Стояла жара, но нужно было построить шалаши на случай дождя. Труп и Харитонов занялись ужином – продукты остались от поезда. Демидова и доктор устроились на одеялах с Алексеем и Государыней. Государь взял топор и присоединился к нам. Пришла Настя и тоже стала обрубать сучья. Мы с ней углубились в заросли ...

– Бедная Таня, – сказала Настя. – Она винит себя. Вы тоже сердитесь на нее?

– Я? Ну что вы! На перроне никого не было. Татьяна Николавна не заметила этого шпики.
– Татьяна Николавна ... – повторила Настя за мной. – А я – все еще Анастасия Николавна?

О чем это она?

– Просто думаю, как долго вы еще будете так величать нас: Ваше Высочество Татьяна Николавна, Ваше Высочество Анастасия Николавна ...

– Я вас не понимаю.

Анастасия улыбнулась печально.

– Помните, у Алеши был на яхте дядька, боцман Деревенько?

– Еще бы! Конечно, помню – Андрей Еремеевич.

– Да ... Десять лет он носил Алешу на руках, не отходил от его постели во время приступов, и Алеша любил его всем сердцем.

Я помнил боцмана Деревенько. Добродушный великан, приставленный охранять Наследника на яхте, где он мог случайно пораниться или даже упасть за борт.

– Все видели, как они любят друг друга, – сказал я.

– Угу ... И папá, и мамá к боцману относились уважительно, как к близкому человеку. Всегда помогали его семье ... А после отречения этот Деревенько стал унижать Алешу, заставлял ему прислуживать ...

Я ушам своим не поверил.

– Андрей Еремеевич?

– Он самый. Стал хамить мне и сестрам, непочтительно разговаривать с папá ... Воровал по мелочи, устраивал какие-то махинации с деньгами, отпущенными ему на наше содержание. Был скандал.

– Как же это?

– Непостижимо! Самое противное – он ведь и правда любил Алешу. Он не притворялся – любил, пока Алеша был Наследником ... И так многие. Когда папá вернулся после отречения, мы все валялись с температурой. Корь. По нашему дому бродили толпы солдат, каких-то людей, заглядывали к нам в комнаты. Казалось, это горячечный бред. Подходили к Алеше, трогали его руками ... Что-то украли ...

Мы перестали махать топорами. Настя продолжала печально:

– Когда папá приехал, офицеры охраны даже не приветствовали его при входе, отвернулись ... Потом мы много работали в нашем парке. Папá с солдатами пилил сухие деревья. Я ему помогала. Но больше работала на огороде с мамá и сестрами. Сами разбили этот огород: копали, сажали ... И всегда кто-нибудь приходил на нас поглазеть: солдаты, какие-то люди. Советовали: «Глубже копай, царское отродье ...» Кричали: «Настька! Машка!» – и всякие гадости прибавляли ...

Так дико мне было слышать это. Конечно, я знал, что арестованных Романовых содержали без особых привилегий, но чтобы такое ...

– Анастасия Николавна! Я и все мы ... Я – ваш преданный слуга! Жизнь отдам за вас, за Государя и за всю Семью! Вы для меня навсегда – Ваше Императорское Высочество!

Меня душила ненависть ко вселенскому быдлу. Анастасия, однако, приняла мой порыв довольно равнодушно:

– Думаете, мне важно это Высочество? Или папá важно его Величество? – Она снова стала тюкать топором, обрубая ветки. – Папá просил позволения у Керенского, чтобы нас оставили в России и дали просто жить, без титулов ... Это еще когда были разговоры о нашем отъезде в Англию ...

Меня задело ее равнодушие в ответ на мою горячность, но от следующей ее фразы снова защемило сердце.

– Хочется просто жить и не бояться ... Чтобы все были здоровы ...

Повторяться с заверениями преданности я не стал.

Настя махала топориком и поглядывала на меня.

– Вам нравится Таня?

Я промолчал.

– Она всегда вам нравилась, еще на яхте.

На яхте, на нашем Корабле, маленькая Царевна Анастасия и долговязый переросток юнга – комическая пара. Мы носились по палубам, прятались вдвоем в укромных местах. Но мечтой юнги была прекрасная Татьяна, непостижимая пятнадцатилетняя гордячка.

– Что вы с Таней делали в тамбуре?

– Разговаривали.

– Со мной вы не разговариваете наедине.

– А сейчас? – улыбнулся я.

Она только передернула плечами.

Татьяна – высокая мечта, а Настенька – вот она, рядом: горячая ручка, завиток волос и озорные глаза близко ... После четырех лет разлуки я еще не привык к ней, повзрослевшей, похорошевшей. Она изменилась более сестер. Эта Настя уже не могла быть мне той маленькой подружкой.

Злополучный кулон в кармане жег сквозь ткань. Я не знал, как подойти к Государю и сказать: «Ваше Величество, вот ... не пригодилось ...» Конечно, лучше всего было бы не возвращать вещицу, напоминавшую всем о совершенном нами убийстве ... мной совершенном. Но как же не возвращать? Выбросить? Какое право я имел распоряжаться Царским добром? А ну как подумают – присвоил? Может, отдать Государыне? Она более Государя имела отношение к имуществу. Лучше бы этот кровавый рубин сгинул вместе с трупом. И зачем только Бреннер вытащил его?

– Анастасия Николавна, разрешите мою дилемму ...

Я достал кулон из кармана. Она посмотрела испуганно и тут же отвела глаза.

– Что это?

– Это было заплачено ...

– Не смейте говорить мне об этом! Ничего не хочу знать! – Ушла поспешно.

Поужинали у костра. Государь и Государыня устроились в шалаше вместе с Алексеем, остальные – на тюках и матрасах под деревьями. Татьяна сидела у костра, когда все уже разошлись. Лиховский хотел остаться с ней, но она его отослала. Я дежурил. Осмелился и сел рядом. Не прогнала.

– Леонид, что мне делать?

– Вас никто не винит. Скоро мы будем во Владивостоке и уплывем в Америку, – сказал я.

Усмехнулась грустно. Я достал кулон и протянул ей.

– Это же кулон мамá ...

– Прошу вас, передайте Его Величеству. Это предназначалось тому типу ...

Татьяна посмотрела на кулон с отвращением и с не меньшим – на меня.

– Вы это нарочно?!

– Да нет же! Я просто не знаю, как мне передать ...

Она держала кулон на вытянутой руке, будто мерзкую тварь. В центре кровавой каплей пламени рубин. Швырнула кулон в огонь.

– Вы идиот, Анненков?!

Ушла.

– Простите ... – пробормотал я. – Простите ...

В самом деле идиот.

Из записок мичмана Анненкова

27 июля 1918 года

Тайга – бесконечность. На пятый день пути уже не слышно было смеха наших Царевен. Смолкли разговоры. Алексей все реже звал к себе отца или мать или доктора Боткина, чтобы показать птицу, или дерево, или скалу странной формы.

Государь шел впереди. В мятом цивильном костюме и кепке, с палкой в руке, он был похож на дачника-грибника. Он любил пару часов шагать перед обозом. Движение от этого замедлялось, зато лошадям послабление и передышка.

Ехать верхом Государь отказывался. Верховые лошади были нужнее нашей кавалерии – так он называл нас четверых. И это, конечно, было правильно. Верхом мы были маневренны и боеспособны на случай внезапного нападения. Бреннер и Лиховский ехали впереди колонны, потом шли четыре телеги, управляемые Харитоновым, Труппом, одной из Княжон, доктором Боткиным; в арьергарде – я и Каракоев верхом. Лошадей и телеги Бреннер и Каракоев купили в деревне за несколько золотых колечек.

Царица и Царевны в платках, повязанных по-деревенски, закрывавших почти все лицо, издали могли сойти за крестьянок. Кроме маскировки, платки помогали от мошкар, клубившейся вокруг людей и лошадей.

Маршрут прокладывал Бреннер – все время на восток по проселкам и едва заметным тележным колеям. Деревни обходили. Лишь изредка нам встречались подводы с крестьянами, ехавшими с полей, или небольшие обозы, везшие что-то на продажу. Местные смотрели на нас косо. Они видели, что мы чужаки: торговцы – не торговцы, крестьяне – не крестьяне ...

Какая власть в тех местах – понять было невозможно. Шаг вправо – шаг влево от Транс-сиба, и никакой власти уже не было, а народ просто жил как умел.

С самой той сцены с кулоном Татьяна не перемолвилась со мной ни словом. То же охлаждение к моим товарищам я видел и у других Княжон. Мы, рыцари, будто уже не интересовали наших Принцесс. И та вспышка сердечности и дружбы, что озарила первые дни бегства в поезде, вспоминалась, как потерянный рай.

Алексею становилось все хуже. Он уже не вставал со своей лежанки на телеге, ночами там и спал. Доктор Боткин говорил, что езда в тряской телеге плохо действует на организм Алексея и обостряет болезнь. На привалах я подходил к нему, чтобы поговорить, подбодрить, но он отвечал с раздражением или молчал. Сестры в любую свободную минуту вились вокруг него, но и им удавалось вызвать лишь тень улыбки на его лице.

Сегодня, осмотрев колено Алексея, доктор Боткин заявил, что дальше ехать невозможно, нужен отдых, хотя бы несколько дней под крышей. Бреннер и Лиховский уехали искать жилье. Забавно, но Бреннер после исхода из поезда больше не брал меня с собой в разведку. Будто моя промашка отменяла мой прошлый боевой опыт, о котором он знал.

На обед Иван Михалыч приготовил кулеш из пшенной крупы и поджаренного сала. День прошел в неподвижности и молчании: все снопами лежали на телегах и под деревьями. Для Государя и Государыни, как обычно, поставили шалаш, и не для защиты от непогоды – даже ночами было тепло и сухо, – но чтобы дать им возможность укрыться от посторонних глаз хотя бы на короткое время. В дороге все на виду, и это утомляет чуть ли не больше самого движения.

Я дежурил, ходил вокруг стоянки, вслушиваясь в таежный шум. Ближе к вечеру услышал их голоса от реки. Они смеялись, перекликались по-английски; странно там звучала английскую речь. Потом они запели по-русски Херувимскую песнь. Я узнавал каждый голос. Вела Ольга своим безупречным меццо-сопрано, вторые голоса – Татьяна и Мария, и колокольчик, прихотливый и звонкий, – Анастасия. Они не должны были отлучаться без охраны, но сбежали.

Понятно – хотели побыть без посторонних, и все же я пошел на голоса, разбудив дремавшего Каракоева, чтобы следил за лагерем.

Вода заблестела сквозь еловые лапы, но поначалу я никого не видел. И пение смолкло. Опоздал. Будто что-то мне было обещано – светлое, радостное, – а я упустил. Крался вдоль берега в ельнике, и вскоре снова услышал голоса. Говорили по-английски:

– Почему здесь никто не живет? – узнал я Анастасию.

– Много земли в России, – сказала Мария.

– Слишком много, – сказала Анастасия. – Едем, едем без конца ... Тоска ...

– Тоска? Посмотри вокруг. – Это была Ольга. – Этот лес! Река! Мы на краю света!

– Ну, я не знаю ... – манерничала Настя. – Здесь очень скучно, на этом краю света.

Я пошел на голоса, не показываясь из чащи, и вскоре в просвете меж еловых лап увидел их. Они сидели у воды. Мария расчесывала волосы, Ольга уже подобрала свои наверх, Татьяна оставила разбросанными, взъерошенными. Волосы у всех едва доставали до плеч – еще не отросли после стрижки под ноль полтора года назад из-за кори. Анастасия сплела венок из травы, и он сидел у нее на голове как гнездо.

Четыре точеные фигуры – в томлении и неге.

– Мы пропахли лошадьми, – сказала Анастасия.

Все засмеялись. Ольга еще что-то добавила, и все опять засмеялись дружно и смачно, будто сальной шутке. Я не понял. Их английский был гораздо богаче моего, кроме того, у них наверняка был какой-то свой внутренний жаргон, мне неизвестный.

– Когда же кончится этот лес? Куда они нас ведут? – сказала Мария.

Не было ни беспокойства, ни досады в ее голосе – только любопытство.

– Это Бреннер нашей Олли знает, – сказала Анастасия. – Олли, спроси у него, куда он нас ведет.

Мария засмеялась. Ольга не ответила. Татьяна повернулась так, что стал виден ее профиль. Опустила голову, болтала ногой в воде и смотрела, как расходятся круги с блаженной безмятежностью, как ребенок трех лет от роду, когда бы он делал то же самое.

Ольга подняла голову и посмотрела на реку.

– Пойдемте, – сказала по-русски, – а то там все с ума уже сошли.

Встала и пошла к лагерю, не заботясь, следуют ли за ней сестры. Запела «То не вечер, то не вечер ...». Плыла по колени в траве, высокая, статная. Голос ее звучал над рекой властно и нежно. И тут же в него вплелись еще три голоса.

Они парили белыми ангелами среди трав, а я крался в ельнике, то теряя их из виду, то снова настигая взглядом – легких, безмятежных – в просветах меж черных елей. Сонмы мелких мотыльков клубились над ними в лучах солнца, будто сияющие облака. Я остановился, отпустил их, потому что не мог больше, – изнемог. Настигло осознание – окончательное, как смертный приговор, – что ничего прекраснее в своей жизни я уже не увижу ...

Неподалеку раздался шорох. Это не было похоже на природный лесной звук – человек осторожно переступил с ноги на ногу. Черт, а если это Каракоев! Сейчас мы столкнемся с ним нос к носу – двое подглядывающих за девками на реке.

Я не двигался и слушал и достал револьвер.

– Кто здесь? Выходи! Стрелять буду!

Тишина. Я нарочито громко переступил на месте, потряхнул рукой еловую лапу – и услышал, как тот сорвался, побежал тяжело, как лось. Я бросился за ним, не видя его. Слышал, как он скачет впереди, ломая ветки.

Шум удалялся и вскоре слился с обычными звуками тайги. Я пошел вперед и нашел следы в сосняке на толстом ковре осыпавшейся хвои. Следы – большие и глубокие лунки: хвоя не хранит четких отпечатков ...

Царевны сидели вокруг Царицы и вышивали, словно гимназистки под надзором классной дамы на уроке домоводства. Наследник полулежал в своей телеге и строгал витиеватый сухой корень. Алексею было явно лучше после целого дня отдыха. Государь кругами бродил среди сосен, подолгу останавливаясь и глядя в одну точку себе под ноги.

Я рассказал Каракоеву о неизвестном.

– Может, мы вошли на территорию какого-либо коренного народа? – предположил я.

– Думаешь, это был инородец? Какой-нибудь Чингачгук – Большой Змей?

– Похоже на то. В этом районе теоретически можно встретить нганасанов, тофаларов, орочей, бурят ну и, конечно, тунгусов. Это наиболее многочисленный народ, занимающий пол-Сибири.

Каракоев уставился на меня.

– Откуда такие познания?

– Читал. Хотел стать путешественником, как адмирал Колчак.

– Они воинственные, эти племена?

– Давно уже мирные подданные нашего Государя. Скорее всего, это был охотник-одиночка. Он, может, и сам испугался.

Мы решили не докладывать Государю о Чингачгук до возвращения Бреннера.

Вечером у костра смотрел на Принцесс, сидевших рядком. Пляшущий свет ласкал их лица, они сияли будто изнутри, и увидел их как одну в четырех лицах или четыре воплощения одной. Это было так странно, так сладостно! Да ведь я люблю их всех, признался я себе наконец. Всех и одну – по имени ОТМА. Да – такое у нее имя. Если с ударением на первую гласную, то как название далекой таежной реки. А если на последнюю, то как имя тайтянки. Отма-а-а! Мне больше нравилось последнее.

Я сидел тихо, чтобы не потерять это новое ощущение, пугающее и захватывающее: так долго обманывать себя – и вдруг прозреть! Надо было привыкнуть к этому открытию, взорвавшим мозг и сердце, уместить его внутри себя. Разве так можно? Разве так бывает? Что с этим делать? Отма-а-а ...

Какое-то движение за спиной – я оглянулся и увидел темную фигуру, неподвижно стоявшую под сосной. Чужак! Все тоже заметили его. Мы с Каракоевым вскочили с револьверами в руках ...

Чужак сделал два медленных шага из тени к свету костра.

– Добрый вечер добрым людям, – послышался густой баритон.

Это был мужик – высокий, грузный. Черные длинные волосы, кое-как разделенные на пробор, спадали на плечи, давно не мытые и не чесанные, и такая же нечесаная черная борода покоилась на груди. Одет по-крестьянски: поверх рубахи с косым воротом длинный черный кафтан. За спиной котомка.

– Кто такой? – спросил Каракоев.

– Странник ...

– Один?

– Один иду ...

Отвечал неспешно, с достоинством. Я оглянулся на Государя и перехватил его взгляд, устремленный на незнакомца, растерянный, удивленный. Государыня разглядывала гостя с болезненным вниманием.

– Садись, поужинай с нами, – сказал Государь.

– Спаси Бог, добрый человек, – сказал Распутин, снял со спины котомку и сел к костру.

Я сразу назвал его про себя Распутиным. Его я видел у насыпи на станции. Или не его, а двойника, или ... Я узнавал его и не узнавал ... Он сел напротив меня по другую сторону костра, по левую руку от Государя. Это место всегда было свободно по негласному правилу, в то

время как справа всегда сидела Государыня. И вот этот неожиданный Распутин занял свободное место, будто оно было для него предназначено. Не только я, все смотрели на него, а он – ни на кого. Я видел его лицо через живой занавес горячего воздуха, сквозь языки пламени – и от этого оно неуловимо менялось. Это лицо словно дразнило, становясь то более распутинским, то менее. Я не видел живого настоящего старца, но помнил его фотопортреты и множество карикатур, и сейчас я то узнавал его, то отгонял от себя это наваждение.

Харитонов подал Распутину ужин. Пока тот ел, никто не проронил ни слова. Покончив с лепешками, Распутин вытер руки о полу кафтана, провел пальцами по бороде и усам и обвел взглядом всю компанию. При его внезапном появлении Семья не успела надеть обычную маскировку – платки, шляпы. Он, однако, никак не показал, что узнал людей у костра.

– Значит, ты странник? – нарушил молчание Государь.

– Странник, батюшка.

– Куда идешь?

– Во Владивосток-город ...

– Далеко. Три тысячи верст – и все пешком?

– А как придется. Когда пешком, а когда добрые люди подвезут.

– А что ж там у тебя, во Владивостоке?

– А ничего, батюшка, у меня там нет. Посмотреть хочу Владивосток-город, край земли русской.

– Как твое имя, отче? – спросила Государыня. Ее голос дрожал.

– Георгием кличут. А твое, матушка?

Государыня помедлила, потом выговорила твердо:

– Александра Федоровна ...

Старец кивнул невозмутимо.

Каракоев шепнул мне на ухо:

– Что это такое? – Он был шокирован не меньше меня.

Государыня спросила:

– Скажи, отче, ты молишься за добрых людей?

– Молюсь, а как же. За всех людей молюсь, и особо за тех, за кого попросят.

Государь посмотрел на Государыню внимательно, и она ответила ему прямым отчаянным взглядом, сжала его руку, и он опустил голову.

– Отче, не посмотришь ли нашего мальчика? Хворый он. Может, молитва твоя поможет? – сказала Государыня.

– Отчего же не посмотреть ... – Старец за Государыней пошел к телеге, где дремал Алексей.

Никто не смотрел на них. И мы с Каракоевым не обернулись, не могли отчего-то. И Государь тоже не смотрел, хотя сидел лицом в ту сторону.

Я услышал за спиной, как Государыня сказала:

– Бэби, дорогой, это наш друг ... Да ... Не бойся ... Он пришел к нам ... Он вернулся ...

Потом Распутин забормотал молитву.

Княжны гладили своих собак; доктор Боткин чертил что-то травинкой в пыли, Харитонов точил большой нож, прихваченный еще с кухни Зимнего дворца; лакей Трупп дремал, сидя с накинутым на плечи одеялом; горничная Демидова тайком утирала слезы – Бог весть, о чем она плакала. А Государь все смотрел на огонь.

Я слышал за спиной невнятные голоса:

– Во имя отца и сына ...

– Друг мой ... Давно ли ...

– На все воля Господа ...

– Друг мой ...

– Вижу, папа в печали ...

– Так и проходят наши дни ...

– Мама, открой свое сердце для Него ... – рокотал Странник.

«Что это? – думал я в панике. – Он восстал из мертвых? Наши собаки даже не тявкнули, когда он возник. Это чудо? И он ли был на станции? Самозванец! Преследует нас! Конечно же, он читал все эти пасквилы в газетах, что в изобилии печатались все годы войны. Конечно же, он знал, что Государыня называла Распутина “наш друг”, что Распутин называл ее мамой, а Государя – папой. Кто в России этого не знал? А если просто мужик?.. Но каково же совпадение! Как мужик именно с такой внешностью в этом море тайги вышел именно к нашему костру? Или это не совпадение? Часть чьего-то дьявольского плана? И чей это план?»

Я нагнулся к Каракоеву и сказал тихо:

– Самозванец ... Кажется, его я видел на станции ...

Каракоев покачал головой с сомнением.

– Может, это тот, что был в лесу? – прошептал он.

Черт возьми, а ведь в самом деле!

Мы так и сидели не оборачиваясь. Тихое неразличимое бормотание – торопливый нежный разговор родных после долгой разлуки – вот что я слышал за спиной. Государь поднял глаза от огня, посмотрел в темноту и ушел туда, и его голос присоединился к тем двум. Он тоже заворковал торопливо, сбивчиво, и Государыня ласково вторила ему и всхлипывала, и милостиво рокотал баритон Распутина ...

Из записок мичмана Анненкова

28 июля 1918 года

Я проснулся, когда лес уже был просвечен солнцем и согрет. Первое, что я увидел, – Алексей, хромающий среди сосен и опирающийся на плечо доктора Боткина. Но он улыбался, улыбался! А потом я увидел Государя, Государыню и Распутина. Они гуляли по берегу реки, беседовали и, счастливые, поглядывали в сторону Царевича.

К полудню вернулись Бреннер и Лиховский – измотанные, на измученных лошадях. За сутки почти непрерывной скачки они нашли подходящую заимку глубоко в тайге, вдалеке от проезжей дороги. В округе были и деревни, но их мы избегали.

Когда они подъехали к лагерю, Алексей уже самостоятельно прогуливался среди сосен, а Семья с умилением наблюдала за ним. Распутин стоял на берегу и смотрел вдаль.

Бреннер и Лиховский так и остались сидеть в седлах, пораженные явлением новой монументальной фигуры. Старец повернулся лицом и не торопясь зашагал к лагерю, а они смотрели, смотрели, вглядывались ...

– Кто это? – наконец спросил Бреннер у Государя.

Это был недопустимый по резкости тон. К тому же впервые Бреннер даже не прибавил «Ваше Величество». Государь только улыбнулся и сказал:

– Это отец Георгий.

– Георгий? – переспросил Бреннер.

– Откуда он взялся? – спросил Лиховский у нас с Каракоевым.

Мы молчали. Государыня улыбнулась ласково:

– Господь нам его послал. Разве вы не видите? – и показала глазами на Алексея: тот кого-то ловил в траве и скакал на одной ноге, опираясь на палку.

– Доброго здоровья, господа хорошие! – раздался рокочущий баритон.

Бреннер и Лиховский мрачно разглядывали подошедшего Старца.

– Здравствуйте, господин Распутин, – отозвался наконец Лиховский. Он единственный произнес вслух имя, вертевшееся у всех на языке.

– Кожин мое фамилие, – сказал Распутин.

Во время обеда в общей компании у костра Бреннер осторожно прощупывал Старца.

– Можно узнать ваше полное имя, фамилию?

– Мое-то? Георгий Пантелеймоныч. А фамилие простое, я же говорил – Кожин.

– И документ у вас имеется?

Государыня бросила на Бреннера негодующий взгляд.

– Нету документа, господин хороший, – невозмутимо отвечивал Старец, облизывая ложку. – А у тебя есть?

Бреннер будто не слышал.

– Я сам себе документ. Вот ты же видишь меня, – говорил Распутин. – Кто ж я, по-твоему? Разве я говорю, что я купец? Барин? Нет. Я странный человек – странник. Зачем же тебе еще документ какой-то?

Бреннер, разумеется, не хотел вступать в дискуссию в присутствии Государя и Государыни. А Распутин не унимался:

– И я вижу, кто ты. В каком звании состоишь, твое благородие?

Бреннер снова не ответил.

– Спесив ты больно, твое благородие. Из жандармов, что ли? – усмехнулся Распутин.

Бреннер проявлял чудеса выдержки. Не ответив и на этот раз, он выждал пару минут и продолжил допрос как ни в чем не бывало:

– Как же ты здесь оказался, Георгий Пантелеймоныч? Тут вроде нет ни церквей, ни монастырей.

Распутин улыбался. Беседа доставляла ему удовольствие.

– Ноги сами меня сюда принесли, и ведь ко времени. А из каких ты будешь, твое благородие? Бреннер – это из евреев али из немцев?

– Из немцев, – сказал Бреннер и ухмыльнулся в лицо Распутину, будто отразил его ухмылку.

Государыня снова посмотрела на Бреннера неодобрительно.

– Будет вам, Александр Иванович, – примирительно сказал Государь.

– Простите, Ваше ... – Бреннер осекся.

Распутин хитро прищурился, глядя на свои сапоги.

– Ежели я мешаю, так я пойду, – сказал он. – Не в моем обычае свою компанию навязывать.

– Нет-нет! Друг мой! Как можно! – испугалась Государыня – Ты же во Владивосток идешь. И мы туда.

Распутин встал и картинно поклонился Государыне в пояс.

– Благодарствуй, мама.

Все втянули головы в плечи от этого «мама», даже Государь, но только не Государыня. Она улыбалась.

Распутин повернулся к Его Величеству:

– Так что, если ты, батюшка, позволишь страннику с вашей компанией следовать, я задарма куска не съем. Я и с лошадьми могу управиться, если что, и подсобить в пути. Здоровьем Бог не обидел. Да и дорогу я знаю.

– Это невозможно! – в сердцах бросил Бреннер.

Он уже второй раз позволял себе дерзкое нарушение этикета.

После обеда совещались – мы четверо и Государь. Государыня ревниво наблюдала за нами издали. Распутин прогуливался с Татьяной Николавной среди сосен. Вещал, а она слушала умиротворенно.

Государь сказал, глядя в сторону, будто оправдывался:

– Я позволил Старцу идти с нами. Не бросать же его здесь. Да и дорогу он знает ...

Бреннер едва сдерживал раздражение.

– При всем уважении, Ваше Императорское Величество, он поймет, кто вы ...

– Он сразу это понял, – сказал Государь.

– Но мы не знаем, кто он, каковы его намерения. Он странный.

– Он сразу сказал, что он странный человек – странник, – сказал Государь невозмутимо. – Александр Иванович, господа, я принял решение.

И Государь ушел. Мы остались вчетвером, удрученные.

– Что будем делать? – спросил Каракоев.

– А что делать? Смотри – Алексею легче. Мы ничего не можем сделать, – сказал Лиховский.

– Снова Старец. Все повторяется. Теперь они будут слушать его, – сказал Бреннер. – Мы попадаем в ту же трясину, что была в Семье до его убийства.

– Не преувеличивай. Это все же не Распутин, – сказал Лиховский.

– Ну, как посмотреть, – пробормотал Каракоев.

– Ты его видел ... того, настоящего? – спросил Бреннер у Каракоева.

– Видел пару раз в одном кабаке в Петрограде ...

– Ну и как тебе этот?

– Очень похож. Особенно ночью. Я аж вздрогнул ... Может, это он и есть?

Все уставились на Каракоева. Он был совершенно серьезен.

– Как «он и есть»? Он убит: отравлен, застрелен и утоплен практически на глазах у всей России! – возопил Бреннер.

Каракоев пожал плечами:

– Тебе ли не знать, как это бывает. Вот вся Россия сейчас уверена, что Государь и Семья расстреляны большевиками.

Это было справедливо, Каракоев меня порядком удивил.

– Ну, знаешь! Это другое дело. Государь и Государыня лично хоронили Распутина, – сказал Лиховский.

Каракоев предположил странное:

– А может, они участники этого заговора и похоронили кого-то другого? Подумайте, как мог здесь случайно оказаться мужик, так похожий на Распутина? Это они его сюда вызвали!

– Как вызвали?!

– Между ними какая-то мистическая связь.

Каракоев все больше поражал меня. Раньше я что-то не замечал в нашем кавалеристе склонности к мистицизму. Бреннер и Лиховский тоже смотрели на него с недоумением.

– Знаете, в этих местах можно поверить во что угодно. Вы посмотрите на него! Посмотрите! – Каракоев кивнул в сторону Распутина. – Это Распутин, это он! Кто угодно, знавший его, сказал бы, что это он.

Возразить было трудно.

– Кажется, это он был тогда на станции, – решил я напомнить. – Уже тогда следил за нами.

– И как же он теперь тут оказался? – усмехнулся Лиховский скептически.

– Оставьте, мичман! Пытаетесь оправдаться за свою тогдашнюю безалаберность, – буркнул Бреннер раздраженно.

– Господин капитан, я не пытаюсь оправдаться. Я пытаюсь заострить внимание на очевидном. На станции я видел Распутина, и меня подняли на смех. И теперь мы снова видим Распутина. Таких совпадений не бывает! – Бреннер временами бесил меня.

– Так это тот Распутин, которого ты видел? – спросил Лиховский.

– Не знаю, – признался я.

Мы окончательно запутались и замолчали.

– Воля Его Величества – закон, – резюмировал Бреннер. – Значит, все, что нам остается, – не спускать со Старца глаз ни днем ни ночью. Отдыхайте. Завтра выступаем.

Мы разошлись. Я поискал глазами Татьяну. Она все еще слушала Распутина. Улыбнулась, кивнула, он перекрестил ее. Прямо духовник Царевны!

Солнце садилось. Татьяна с ведром пошла к реке, легкая, будто сбросившая тяжелую ношу. Я догнал ее и пошел рядом.

– Мертвые возвращаются. Это он?

– Это он, – сказала Татьяна как будто даже радостно и тут же добавила: – Но это не может быть он.

– Так кто же это?

– Не спрашивайте, я не знаю ...

Сказала легко и так, будто знала. И добавила:

– Вы же видите, Алеша оживает на глазах. Чего же еще?

– Что он вам проповедовал?

– Это вас не касается.

– Касается.

– А впрочем, я доложу вам, если вы настаиваете. Он сказал, что я не виновата, что так и должно было случиться, мы должны были сойти с поезда так или иначе. Это было предопределено. Нам нужно было оказаться здесь, чтобы встретиться со Старцем.

– И как он объясняет эту предопределенность?

– Алеша. Ради него мы забрались сюда.

– Татьяна Николавна, этот новый Распутин опасен.

– Почему? Что в нем опасного?

– Хотя бы то, что мы ничего о нем не знаем. И он ... следил за вами вчера, когда вы пели у реки.

– Вы уверены?

– Я слышал его.

– Слышали?

– Там, у реки ... Он следил за вами ...

– А вы что там делали?

– Я ... охранял.

Мы подошли к реке, я забрал у нее ведро и зачерпнул воду в том самом месте, где они сидели.

– Так вы подсматривали за нами?

– Нет ... Я слушал ...

– Подслушивали, – усмехнулась Татьяна.

– Он был здесь. Вон там прятался.

Я с ведром шагнул от берега, но Татьяна не пошла за мной.

– Вы любите подглядывать, подслушивать. Я помню еще по яхте ...

Я уже знал, что именно она сейчас мне припомнит. Стоял с ведром и ждал.

– Долговязая, нелепая фигура шныряла и пряталась по всем закоулкам яхты. Иногда сидим с сестрами на палубе, болтаем, и вдруг за бухтой каната или под лестницей какой-то шорох. Заглядываем, но уже знаем, что там юнга Лёня, Плакса-морячок, сложился вчетверо, наострил оттопыренные ушки и делает вид, что начищает медь или зашивает парусину ...

Татьяна смотрела на меня с усмешкой, отнюдь не доброй. С чего вдруг? Я стоял с ведром как дурак.

– Однажды я застукала вас, юнга ... – Она специально сделала паузу.

Я ждал с усмешкой.

– ... Застала вас с подносом ... рядом с каютами папá и мамá ... Вы помните?

Ну да, конечно ... Я отнес бутылку коньяка в каюту министра двора, возвращался с подносом мимо каюты Государыни. Дверь была открыта. Я увидел Ее Величество сидящей на диване. Она задремала с вышивкой на руках. Ей тогда было тяжело с Алексеем, впрочем, как и всегда. Она недосыпала ночами, и иногда ее можно было увидеть дремлющей в кресле на палубе.

– Да ... Вы стояли и смотрели на ее ногу между полами халата ...

Да, черт возьми, смотрел! Смотрел! Мне было тринадцать лет! Я проходил мимо и увидел стройную ногу в чулке и подвязке ...

– Вы пялились на ноги мамá ...

– Почему вы сейчас вспомнили об этом?

– Может, потому, что вы опять подглядывали? Ничего не меняется.

Мне захотелось окатить водой Ее Императорское Высочество Великую Княжну Татьяну Николавну. Я поставил ведро на землю.

– А я думала, вы меня обольете, – сказала она.

Я шагнул к ней и подхватил на руки. Ахнула – не ожидала. Я сделал еще шаг к воде, будто собрался бросить ее в реку. Крепко обхватила мою шею – поверила. Я держал ее над водой, легкую, упругую под платьем.

– Что вы делаете?

– Вы думаете, я подглядывал?

– Отпустите ... – Ее губы были близко. И нахмуренные брови.

– Это вы говорите «подглядывал», а я говорю – «смотрел», – сказал я ей в серые дерзкие глаза. – Вы говорите «подслушивал», а я говорю – «слушал». Я слушал здесь голоса ангелов. И тогда, на нашем Корабле, я слушал голоса с небес ... и видел вас в вышине сияющей!

– Отпустите сейчас же!

– Я люблю вас.

– Что?

Она уставилась на меня с таким изумлением, что мне стало обидно: неужели она никогда не замечала, как я смотрю на нее, или настолько высокомерна, что не предполагала во мне такой дерзости – влюбиться в нее.

– Отпустите меня наконец!

Я поставил ее на землю. Она шлепнула меня ладошкой по щеке, но вяло, будто в установленном порядке.

– Вы с ума сошли, Анненков? – Но в глазах интерес.

– Я подрост, Ваше Высочество.

– Переросток ... недоросль ...

Она пошла, не оглядываясь, к лагерю. Я взял ведро и поплелся следом.

Татьяна была на год старше меня. На Корабле в мои двенадцать, тринадцать, четырнадцать она меня не замечала – так мне казалось. Они с Ольгой тогда уже кружились на палубах в обществе корабельных офицеров. Что за дело им было до нелепого юнги-переростка. Даже Маша, Мария Николавна, почти ровесница мне, и та не водилась с юнгами. Только Настя, младше меня на три года, бегала за мной, но, как водится, ее внимание я ценил меньше всего. Я смотрел на Принцесс – да, смотрел! Потому что ничего прекраснее не видел тогда, да и после ... И нечего стыдить меня!

Татьяна Николавна шагала впереди – легкая, неприступная, оскорбленная. Какого черта!

– А знаете, что я еще помню? – сказал я.

Ответа не последовало.

– Как-то я драил нижнюю палубу на баке, слышу шаги на верхней палубе. Двое. Он ей про любовь, про невозможность жизни без нее. Слышу по голосу – это мичман Коршунов. А кто же, думаю, она?

Татьяна оглянулась, и я увидел брезгливую гримаску.

– Слушайте, вы просто ...

– Это были вы, Татьяна Николавна. Вы в ответ несли какой-то детский вздор о разочарованности в любви и невозможности личного счастья. Это в шестнадцать лет. И вдруг вы замолчали и как-то задышали ... Я выглянул снизу и увидел, что бравый мичман прижал вас к фальшборту. О, что это были за лобзания! Я громыхнул ведром, и вы разбежались, как испуганные кот и кошка. А мичмана я возненавидел, проник в его каюту и измазал ваксой его белый парадный китель.

– Вы просто урод, Анненков! Вы знаете это?

– Скоро этот мичман куда-то делся с Корабля.

Я улыбался. Открыл для себя удовольствие немного побесить божество. Забавно это было и ново.

В лагере Лиховский посмотрел на нас волком, что-то выговаривал Татьяне, но она быстро отшила его. Мне он ничего не сказал.

Июль 1918 года Восточная Сибирь

Переночевав в распадке под скалой, поручик Хлевинский сел на коня и с рассветом выехал на тропу. Два дня назад охотники рассказали ему, что видели обоз из четырех телег и нескольких верховых. Люди странные, нездешние. Шли на восток. Несколько женщин и мужчин разного возраста. Оружия у них не видели, но ухватки у верховых, как у военных. Поручик Хлевинский понял – это они.

Через пять часов перехода по тайге Хлевинский выехал к заимке. Спешился и нашел удобное место для наблюдения. Заимка – несколько срубов и сараев – лежала ниже по склону холма и хорошо просматривалась. Хлевинский увидел четыре подводы, насчитал двенадцать распряженных лошадей. Возле них копошился мужичок, одет по-крестьянски. Еще какие-то женщины и дети сновали между избами и сараями. Никого из Романовых Хлевинский не высмотрел. Может, не заходили они сюда? И тут он заметил пожилого мужика, вышедшего из дома, в костюме и картузе с длинным козырьком. Довольно нелепый вид для этих мест.

Странный персонаж прошел за ворота, сел на бревно лицом к дороге ...

Из записок мичмана Анненкова

29 июля 1918 года

Я сидел на чердаке, наблюдал местность в бинокль. От ворот заимки дорога уходила в желтое поле. Рожь обрамлялась зеленым частоколом высоких сосен. Оторвавшись от бинокля, я увидел, как Государь вышел за ворота в своем мешковатом костюме и сел на бревно.

Хозяин заимки, чалдон лет сорока, согласился дать кров и стол семье «красноярского коммерсанта», почему-то решившего путешествовать вдали от железной дороги. В лица прибывшим хозяин не заглядывал, вопросов лишних не задавал. Думаю, он сразу понял, что четверо крепких молодчиков могут постоять за себя и за семью «коммерсанта», поэтому со всей серьезностью отнесся к требованию Бреннера никому не отлучаться с заимки в эти дни. Золотое колечко с бриллиантом должно было с лихвой окупить хозяевам все неудобства.

Пришли мы на заимку вечером, а утром обнаружили, что Старца нет. Ушел. Государю и Государыне обещал скоро вернуться.

Хозяина звали Прокоп Половинкин, а у хозяйки было интересное имя, какого я никогда не встречал раньше, – Соломонида. Сибирские крестьяне из старых поселенцев – чалдоны, как здесь говорят. Пятеро детей – от взрослых до малышей.

На заимке стояли две добротные избы, рубленые, и несколько хозяйственных построек. Одну избу хозяева уступили приезжим, и в ней расположилась Семья, а мы четверо устроились в сенном сарае, на чердаке которого я и лежал с биноклем.

На фоне леса возникли нездешние фигуры – кавалер и три дамы в трепещущих на ветру платьях. Две тонкие, хрупкие – Ольга и Татьяна; третья – Государыня, грузная, но статная, высокая. Платки сняли и несли в руках. Кавалер в офицерской фуражке – Лиховский.казалось, фигуры с букетами ромашек, с венками на головах плыли по золотым волнам – невесомые, неотягощенные, будто и не было у них за спиной проклятого Ипатьевского дома.

Кто-то там рассмеялся – звонкий девичий смех. Но это была не Ольга и не Татьяна. Неужели Государыня? За годы жизни на Корабле я видел ее в разных состояниях, но только теперь понял, что никогда не слышал ее смеха.

Государыня помахала рукой, и Государь помахал в ответ. Вышел хозяин и сел с ним рядом.

Июль 1918 года Иркутская губерния

– Хорошо, а? – сказал хозяин.

– Хорошо ... – сказал Николай.

Солнце долго висело над лесом, прежде чем скатиться в его темную чашу. Желтая рожь на закате стала оранжевой, а зеленый лес – густо-синим. Светлые платья трепетали в оранжевых волнах, но будто и не приближались.

– Что же тапереча будет? – спросил хозяин.

– Это вы о чем?

– Ну, как же теперича без вас?

Николай посмотрел на хозяина и встретился с простодушным, спокойным взглядом.

– Как, то есть, будет без вашего величества?

Царь отвернулся и снова смотрел в поле на жену и дочерей.

– Да вы не беспокойтесь. Я зла на вас не держу. Всякое про вас болтали, да я всегда им говорил: как там в вашем дворце все устроено, то нам, простым жителям, неведомо, и нечего про то ласы точить. Я вот думаю, нету вашей вины в тех смертях на Ходынке, и в войне, и в революции этой. Министры ваши дураки – вот что.

Николай ничего не сказал.

– Я только хотел спросить, как теперича оно все будет? – повторил хозяин.

– Не знаю.

– Понятное дело. Никто не знает ... Куда ж вы теперь? В Англию?

– Почему в Англию?

– Ну, так на север до Енисея. А по Енисею – до моря ледовитого. А там вас кораблик английский заберет?

– Да ... так и есть.

– Вот и хорошо. А то чего вам тут? Не ровён час убьют. Особливо для дочек ваших здесь не место. Столько всякого непотребства творится ...

Царь кивнул. Легкие фигуры в белых платьях все шли и шли к нему в золотом сиянии и не могли дойти.

Хлевинский тоже видел их в бинокль. Когда подошли ближе, поручик различил лицо царицы, а потом узнал и царевен. С ними шел неизвестный офицер.

– Я до шестнадцатого году в окопах заседал ... пока не контузило ... – сказал хозяин.

– На каком фронте?

– На Западном. Пехота.

– А сам-то как думаешь? Что будет?

– Крови много будет, вот что ... Я своим не скажу, кто вы. Они вас не узнали.

Царь кивнул.

– И вы своим не говорите, что я вас узнал, а то они робяты бедовые, как я погляжу.

– Не скажу. Спасибо тебе, хозяин, за приют.

– Уж не обессудьте, ваше величество, ежели что не так. Чем богаты, тем и рады.

– Благодарю сердечно, – сказал царь.

Царевны и царица уже были близко и повязывали платки. Офицер шагал позади, помахивая прутиком, будто подгонял домой легкомысленных барышень. Поручик Хлевинский видел, как они подошли к тому, в мешковатом костюме. Поручик понял, кто это, хотя лица по-прежнему не разглядел.

Затрещали ветки, налетели двое верховых. Хлевинский выхватил револьвер, но успел выстрелить только раз, не целясь, – конь грудью сшиб его. Всадник бросился на него из седла, придавил и выбил револьвер из рук. Навалился и второй ...

– Кто такой? – спросил Бреннер, когда они с Каракоевым поставили Хлевинского на ноги.

Хлевинский решил идти ва-банк. Если это те, кого он искал, то надо было говорить правду, скрывая лишь некоторые детали.

– Поручик Хлевинский. Вы ведь не красные?

– А если красные? – Бреннер разглядывал пленного.

– Ну нет, я же вижу, кто вы, так же как вы видите, кто я.

– И почему же вы следите за нами? – сказал Бреннер.

– А вы не представитесь?

– Нет.

– Вы правы. Так лучше.

– Отвечайте на вопрос.

– Вижу – жилье, но откуда мне знать, кто там. А вдруг красные. Вот и наблюдаю ...

– И что же вы видите?

Хлевинский пожал плечами:

– Вижу, место занято. Давайте просто разойдемся.

– Не получится. – Бреннер сделал движение стволом маузера, приказывая Хлевинскому идти к жилью.

– Господа, я просто мимо ехал. Ничего не знаю и не хочу знать.

– Вперед! Пошел! – оборвал его Бреннер.

Навстречу по полю уже бежали с револьверами Анненков и Лиховский.

Хлевинского привели за баню. Из подкладки его френча Бреннер извлек сложенный вчетверо лист бумаги – приказ председателя Временного Сибирского правительства о задержании Николая Второго и следующих с ним лиц. Бреннер поднял брови и с самым невинным видом спросил:

– Вы что же, бывшего императора ищете?

– Как видите, – не стал отпираться Хлевинский.

– Здесь?! – продолжал разыгрывать недоумение Бреннер.

– Он же в Екатеринбурге у большевиков, – подключился Лиховский.

– Екатеринбург уже неделю как освобожден от большевиков, и царя там нет.

– Почему вы решили, что он здесь? – изобразил Каракоев самую скептическую ухмылку.

– Я просто проверил очередной населенный пункт и убедился, что здесь нет тех, кого я ищу.

Обе стороны продолжали ломать комедию.

– Вам придется задержаться, – сказал Бреннер.

– Господа, задержав меня, вы совершите преступление против Сибирского правительства.

– Посидите в бане, – сказал Бреннер.

Закрыв за поручиком дверь и повесив замок, четверка разместилась на бревнах поодаль.

– Черт возьми! Только его нам не хватало! – сказал Бреннер.

– Он ничего не знает, – сказал Лиховский.

– Это он так говорит, – сказал Каракоев. – Неизвестно, сколько он там сидел и что видел. Помолчали.

– Что же, мы так и будем убивать своих? – сказал Анненков.

Кажется, все думали о том же.

– Своих ... Эти свои ищут государя, чтобы арестовать, и кто знает, что там еще у них на уме ... – Бреннер старался говорить уверенно, но все равно это прозвучало как попытка оправдаться.

– Он офицер. Представитель Сибирского правительства, которое сражается против большевиков. А мы его в расход? – не унимался Анненков.

– И что вы предлагаете, мичман? Сдать ему государя и самим сдаться на милость Сибирского правительства? – раздражался Бреннер.

Каракоев и Лиховский молчали.

– Я предлагаю ... взять с поручика Хлевинского слово чести и отпустить, – сказал Анненков.

– Господи, Леонид! – отмахнулся Бреннер. – Ну вы же не ребенок, в конце концов!

Подошел повар Харитонов.

– Господа, прошу за стол! И его величество велели также и этого взять с собой, пленного. Для четверки стало откровением, что государь вообще знает о пленном.

– Нет, этого нельзя делать, – сказал Бреннер. – Я сейчас пойду к государю ...

– Его величество предвидели, что вы так скажете, и велели передать, что надо выполнить их волю беспрекословно.

Четверка и Хлевинский вошли в большую комнату, когда семья уже сидела за длинным столом, составленным из нескольких. Повар Харитонов и лакей Трупп прислуживали. Хлевинскому не сказали, куда его ведут, и он в оцепенении смотрел на царя, на великих княжон, на наследника. Он искал их и не верил, что найдет, и вот нашел ...

Николай нарушил молчание:

– Ваше имя, звание?

Хлевинский сглотнул и отрапортовал:

– Поручик Хлевинский Восьмого уланского Вознесенского Ея Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны полка, ваше величество!

– Таня, у нас в гостях твой подшефный, – сказал Николай.

– Здравствуйте, поручик, – сказала Татьяна.

– Здравия желаю, ваше императорское высочество!

– Садитесь, поручик. И вы, господа, прошу садиться, – сказал Николай.

За столом было пять свободных мест. О пятом стуле для пленного уже заранее позаботились. Хлевинский медлил, и Бреннер слегка подтолкнул его в спину.

– Помолимся, – сказала Александра Федоровна, когда все расселись, и прикрыла глаза.

То же сделали и Николай, и дочери, и наследник. Четверка и Хлевинский опустили головы. Каждый молился про себя.

– Ну что ж, господа. Прошу откусать, чем Бог послал, а Иван Михалыч приготовил, – сказал царь и принялся за суп.

Все ели с аппетитом, только Хлевинский не притронулся к еде.

– Ешьте, поручик, не стесняйтесь, – сказала Александра Федоровна. – Наш Иван Михайлович прекрасно готовит. Он умудрялся даже в заключении у большевиков изобретать для нас что-нибудь особенное.

Поручику явно было не до еды, но он подчинился и через силу проглотил пару ложек супа.

– Расскажите о себе. Какими судьбами вы здесь? – спросил Николай.

– Я, собственно ... – Поручик сжимал ложку до белизны пальцев, и лицо его было так же бледно.

Все смотрели на него.

– Поручик Хлевинский прибыл, чтобы арестовать ваше величество, – безжалостно пригвоздил Бреннер.

– Это правда? – спросил Николай с интересом.

– Не совсем так, ваше величество, – выдал Хлевинский. – Временное Сибирское правительство поручило мне выяснить ваше местонахождение ...

Но Бреннер снова откомментировал:

– У поручика найден приказ, подписанный председателем Временного Сибирского правительства, об аресте вашего величества.

– Мне было приказано найти его величество, а про арест я ничего не знаю, – в отчаянии пробормотал Хлевинский.

– Предполагаю, что молодцы вроде вас с такими приказами ищут государя по всей Сибири. Я прав, поручик?

– Не могу знать, по всей ли Сибири, но не я один – это верно. – Хлевинский страдал.

– Оставим это, – сказал Николай. – Вы были на фронте?

– Так точно, ваше императорское величество! – Хлевинский обрадовался смене темы. – С первых дней войны и до февраля семнадцатого!

– И все поручиком?

– Два раза дошел до ротмистра, и два раза разжаловали.

– За что?

– Первый раз в пятнадцатом году ударил по лицу дивизионного командира. Он бросил кавалерию на немецкие пулеметы безо всякого резона. От моего эскадрона десять человек в строю осталось.

– Мерзость ... – сказал Николай. – А второй раз?

– Это уже после февраля семнадцатого. Отказался отступить с занятых позиций по приказу комиссара Временного правительства.

– Да вы бунтарь, поручик. Впрочем, на мой взгляд, в обоих случаях вы были правы. Если бы мне было известно в пятнадцатом году о вашем демарше, я бы восстановил вас в звании. Тогда меня самого еще не разжаловали.

Поручик Хлевинский встал и вытянулся. Он хотел что-то сказать, но не смог – боялся, что голос подведет и сорвется.

– Садитесь, поручик, садитесь, – сказал Николай. – Выпейте водки.

Лакей Трупп, стоявший за спиной царицы, налил Хлевинскому водки, тот выпил залпом.

– Расскажите нам, что там в мире. Где красные, где белые? Как себя чувствует Сибирское правительство? Мы тут давно уже газет не читали.

– Не могу знать, ваше величество. Сам давно газет не видел.

Хлевинский сидел, низко опустив голову. Вдруг снова встал.

– Ваше императорское величество, позвольте мне удалиться ... туда, где мне определено будет место.

Николай посмотрел на Бреннера, потом на Хлевинского и тоже встал.

– Разумеется. Но, с вашего позволения, я хотел бы переговорить с вами с глазу на глаз.

– Почту за честь, ваше величество, – пробормотал Хлевинский, и они вышли, провожаемые настороженными взглядами четверки.

Великие княжны грустили над своими тарелками. Алексей дремал, уткнувшись в плечо доктора.

– Иван Михайлович, превосходный суп, – сказала Александра Федоровна. – Подавайте жаркое.

Аудиенция царя и поручика длилась недолго. Минут через пять Николай заглянул в избу и вызвал Бреннера.

Во дворе стоял Хлевинский, торжественный и печальный, как памятник поэту. Царь сказал Бреннеру:

– Капитан, поручик дал мне честное слово офицера, что никто не узнает о нашей с ним встрече. Верните ему оружие и лошадь. Он переночует здесь на правах гостя и уедет утром.

Бреннеру ничего не оставалось, как сказать:

– Будет исполнено, ваше величество!

– Пойдемте за стол, – сказал царь. – Иван Михайлович подает жаркое из телятины.

Царь ушел в дом. Бреннер и Хлевинский посмотрели друг на друга. В наступающих сумерках нюансы мимики уже не различались, и обоим оставалось полагаться только на интонации голосов.

– О чем вы говорили с государем? – спросил Бреннер.

– О смотре нашего полка в тринадцатом году. Были Татьяна Николавна и Ольга Николавна и сам государь.

– Мне вы тоже должны дать слово офицера, что никому не расскажете о встрече с государем.

– Ничего я вам не должен, капитан, – сказал Хлевинский. – Государь дал мне честное слово, что больше не занимается политикой, что единственная цель его теперь – спасение семьи ...

Бреннер не поверил своим ушам.

– Государь дал вам честное слово?

– Да, слово императора, и я ему верю ...

– Что?! Вы забываетесь!

– Оставьте, капитан. Мы оба знаем, что государь обманывал нас, всю Россию обманывал ... Но сегодня я ему поверил. – В голосе Хлевинского слышалась такая тоска, что Бреннер передумал бить его по лицу.

Помолчав, Хлевинский добавил:

– У этого письменного приказа есть негласное устное дополнение: если государя не удастся доставить живым, надлежит ликвидировать его на месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.